РОВЕСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

№ 7/84
Июль

В НОМЕРЕ:

2. ШАГИ ФЕСТИВАЛЯ
4. СМОТРИТЕ
6. «Я РАД, ЧТО ТАКИЕ ЛЮДИ ВСТРЕТИЛИСЬ МНЕ»
10. А. Поликовский. РЕКВИЕМ ПО 620 ТЫСЯЧАМ
12. Габор Холлерунг. СЕКРЕТ ОДИН — ТВОРИТЬ
16. Оноре де Бальзак. ТРАКТАТ ОБ ЭЛЕГАНТНОЙ ЖИЗНИ
20. Дитер Плат. БЫТЬ ИЛИ КАЗАТЬСЯ!
21. Гарри Смит. «ТУТСИ»
22. Джоан Хара. ВИКТОР. ПРЕРВАННАЯ ПЕСНЯ
26. ЧТО ГОВОРЯТ... ЧТО ПИШУТ...
28. Дж. Филлипс. ОБЫЧНЫЙ БИЗНЕС. ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

27 марта днем — торжественный митинг в Колонном зале Дома союзов, в полночь — шумные проводы на залитой светом прожекторов Комсомольской площади. Так столица провожала десятитысячный Всесоюзный отряд имени Ленинского комсомола, отправлявшийся на ударные стройки страны.
Фото И. ГАВРИЛОВА

ISSN 0131—5994

Будапешт. 1949.

II Всемирный фестиваль молодежи и студентов проходил в Будапеште с 14 по 28 августа 1949 года. В нем приняли участие 20 тысяч юношей и девушек из 82 стран. Лозунг II фестиваля: «Молодежь, объединяйся! Вперед, за прочный мир, демократию, национальную независимость народов и лучшее будущее!»

...Мы клянемся, что будем защищать мир, сопротивляясь попыткам империализма развязать новую войну.

Мы клянемся, что будем неустанно вести справедливую битву за национальную независимость, права и счастье народов.

Мы клянемся, что будем бороться за то, чтобы повсюду наши усилия, как и усилия всех тружеников, служили делу улучшения условий мирной жизни народов, а не обогащению эксплуататоров и делу подготовки новой войны.

Из Клятвы молодежи мира, принятой на II Всемирном фестивале в Будапеште

ШАГИ

ДОРОГИ В БУДАПЕШТ. ● Два «каравана мира» участников фестиваля — один из Шотландии и Англии, другой — из Голландии и Бельгии, соединившись в городе Лансе, на севере Франции, общей колонной прошли через всю страну до Марселя. Французская общественность и в особенности молодежь тепло встречала его участников. На пути следования «каравана» были установлены указатели: «Международный путь мира». Из Марселя «караван мира» направился в город Аск, где в 1944 году гитлеровцы замучили 86 мирных жителей. К памятнику жертв участники фестиваля возложили венки. Затем «караван мира» через Италию и Австрию проследовал в Будапешт.

● Члены вьетнамской делегации прошли сотни километров пешком, чтобы миновать полицейские кордоны французских колонизаторов. Руководитель делегации вьетнамской молодежи потратил на дорогу до Будапешта 6 месяцев.

● Реакционные правительства Мексики, Аргентины и Венесуэлы, послушные воле Вашингтона, запретили выезд молодежных делегаций своих стран в Будапешт.

● Делегация Кубы, страны, находящейся в зависимости от империалистов США, состоит всего из 3 человек, нелегально прибывших в Будапешт.

ЭСТАФЕТА СОЛИДАРНОСТИ. ● Многочисленны примеры солидарности молодежи мира с советскими сверстниками. Так, студенты Манчестерского университета привезли в Будапешт послание для передачи студентам Ленинграда. «Молодежь Англии,— говорится в этом послании,— не будет воевать против великого Советского Союза». Во время встречи советской и французской молодежи представительница Союза девушек Франции заявила: «Никогда страна Даниэль Казановы (героиня французского Сопротивления) не будет воевать против страны Зои Космодемьянской». «Итальянские солдаты никогда не будут стрелять в героев Сталинграда»,— сказал на встрече с советской молодежью один из руководителей демократической молодежи Италии.

● Француз Жели на митинге солидарности с республикой Вьетнам, борющейся с французскими колонизаторами, сказал: «Девятнадцатилетний французский парашютист отказался лететь во Вьетнам. Он был избит, изувечен, брошен в тюрьму, но ничто не могло сломить его воли. Он категорически отказался принять участие в этой грязной, антинародной войне». Во время митинга на стадионе «Уйпешт» французские и вьетнамские юноши, пожав друг другу руки, по-братски расцеловались. Молодые француженки преподнесли вьетнамцам алые цветы.

● Руководитель делегации США, обращаясь к греческим патриотам, которые борются против местной реакции, поддерживаемой империалистическими кругами Соединенных Штатов Америки и Великобритании, заявил: «Есть две Америки. Америка кучки бандитов и Америка миллионных масс трудящихся. Первая — это агрессор, поджигатель войн, враг прогресса и мира. Вторая — Америка трудового народа, который желает мира, счастливой жизни без эксплуатации и безработицы».

● На митинге солидарности молодые англичане вместе с национальным флагом и знаменем английского комсомола несли плакат с надписью: «Свобода народам колоний — свобода английскому народу!»

● В городском парке Будапешта открыта выставка о жизни, труде и борьбе передовой молодежи мира.

● Многолюдно на зеленом острове Маргит. Здесь, на открытой эстраде, проходят массовые концерты делегаций многих стран. Среди выступавших — танцевальные коллективы Индонезии, Венгрии, Индии и Кореи, солисты ансамбля песни и пляски Советской Армии, греческий театр, английский рабочий хор, болгарский пионерский ансамбль...

СЛОВО К МОЛОДЕЖИ МИРА

Последний год сороковых... Еще свежа память о кровавой войне, развязанной гитлеровским фашизмом, но уже вовсю полыхает «холодная война», навязанная народам мира империализмом. Реакция пытается остановить историю: создан агрессивный блок НАТО, колониальные империи силой штыков пытаются удержать ускользающую власть, все циничнее становится политика американского империализма, пытающегося шантажировать Советский Союз атомной угрозой. В эти тревожные дни многие видные представители прогрессивной общественности обратились к участникам Будапештского фестиваля с напутственным словом:

Поэт Пабло НЕРУДА (Чили). «Капиталистический мир... прибегает к террору, клевете и вооруженному насилию, в то время как Советский Союз, страны народной демократии... изо дня в день становятся все более могучей крепостью настоящего и будущего. Молодежь защищает мир, принадлежащий ей».

Главный редактор газеты «Юманите» Марсель КАШЕН (Франция). «Каждый понимает срочную необходимость умножить усилия всех сторонников мира в защиту мира. Молодежь ведет борьбу, полная уверенности в своей близкой победе над силами эксплуатации, войны и реакции».

Певец Поль РОБСОН (США). «Я приветствую славный слет прогрессивной молодежи мира. Вы первые, кого жадные фабриканты вооружений хотят бросить в пасть войны. В эту историческую эпоху наша задача ясна: полное уничтожение фашизма на земле и установление прочного мира и сотрудничества со странами народной демократии, со славными народами Советского Союза. Вперед, за мир и свободу!»

Герой Советского Союза Алексей МАРЕСЬЕВ. «Советские юноши и девушки готовы и впредь с честью и мужеством отстаивать счастье и свободу молодого поколения от всяческих происков врагов мира и демократии!»

ФЕСТИВАЛЯ

Их было множество, фестивальных встреч молодежи, прибывшей из стран, которые империалисты стравливали как непримиримых врагов. На эти провокации реакции молодое поколение отвечало проявлениями братской солидарности, укреплением дружеских связей. Вот некоторые из этих встреч: митинг в поддержку сражающейся Демократической Республики Вьетнам; организация фонда помощи патриотам Греции; чествование делегации Индонезии в связи с 4-й годовщиной борьбы народа этой страны за свободу; многотысячный митинг на склонах горы Геллерт перед величественным памятником советским воинам, освободившим Венгрию от фашизма, на котором юность планеты поклялась быть непримиримой к любым проискам империализма и колониализма, к любым проявлениям дискриминации и угнетения.

Москва. 1985.

МОСКВА. На первом заседании Советского подготовительного комитета XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов были рассмотрены задачи по подготовке и проведению этого международного форума.

Председатель СПК, первый секретарь ЦК ВЛКСМ В. М. Мишин в своем выступлении, в частности, сказал: «В коллективах промышленных предприятий вносятся предложения о завершении пятилетних заданий к 40-летию Победы, к дню открытия фестиваля, предполагается осуществить конкретные меры по повышению качества продукции, организовать соревнование за право выпуска изделий с фестивальной символикой. Готовясь к третьему семестру, летней трудовой четверти, студенты и учащиеся старших классов планируют проведение дней ударного труда с отчислением заработанных средств в фонд фестиваля. ЦК ВЛКСМ с вниманием относится к предфестивальным инициативам и начинаниям. Мы стремимся к тому, чтобы каждый юноша и каждая девушка смогли ощутить свою причастность к подготовке всемирного форума молодежи и личную ответственность за его успех...»

СОФИЯ. Здесь состоялось второе заседание Международного подготовительного комитета XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Посланцы международных, региональных и национальных молодежных и студенческих организаций 113 стран мира единодушно поддержали предложение Ленинского комсомола о сроках проведения фестиваля — с 27 июля по 3 августа 1985 года. В дискуссиях по программе московского форума подчеркивалось, что она должна отразить благородные цели фестивального лозунга «За антиимпериалистическую солидарность, мир и дружбу!».

Посланцы XVII съезда ВЛКСМ...
Десять лет назад первые шестьсот пятьдесят добровольцев отправились на стройку века — БАМ.

60 лет наш комсомол носит имя Ленина. VI съезд комсомола, принимая это решение, ясно подчеркнул, что «ленинское воспитание молодежи может быть достигнуто только при объединении ее вокруг старой гвардии, единственно обеспечивающей правильное направление активности молодежи, ее подлинно большевистскую выковку и закалку».

К. У. ЧЕРНЕНКО

(Из речи на Всеармейском совещании секретарей комсомольских организаций)

Конармейцы из гражданской...
Так рождался комсомол.

«Даешь целину!»...
30 тысяч молодых добровольцев откликнулись на этот призыв комсомола.

Первый день в нефтяной Сибири...
Эстафета комсомольских свершений продолжается.

На фронт... По приказу Родины, по приказу сердца.

Молодежь завода «Динамо» на демонстрации...
Годы индустриализации, годы похода за знаниями.

«Я рад, что такие люди встретились мне»

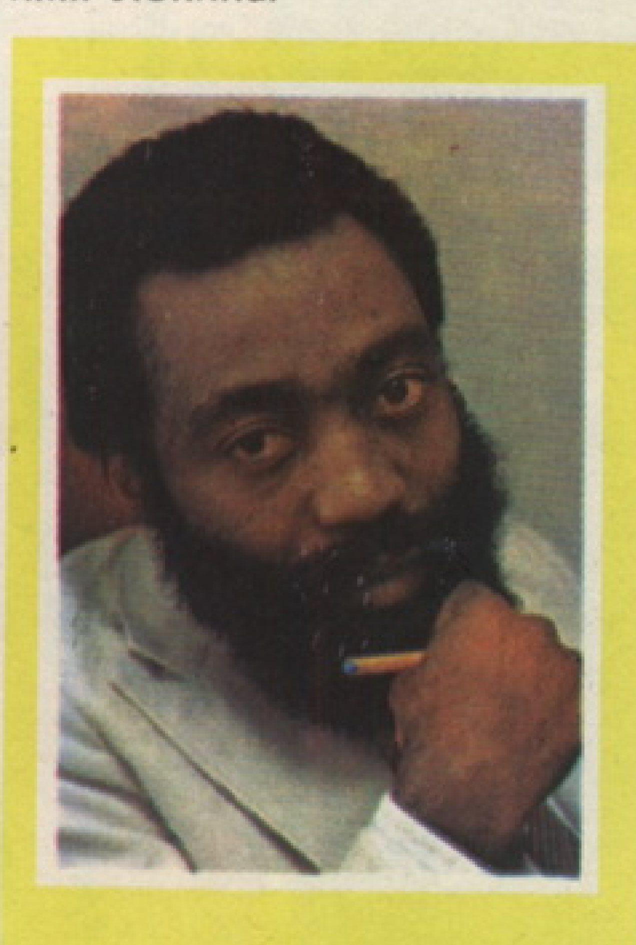

Дора-Мария Ибара ФЕРНАНДЕС, Никарагуа

В первую годовщину победы нашей сандинистской революции мне доверили работать вместе с ребятами из многих стран, в том числе и Советского Союза, прибывших в Никарагуа и составивших интернациональную бригаду имени 19 июля. Тогда все было внове, и потому мне хорошо запомнились те дни. Что за работа у нас была! Днем строили дома, а каждый вечер — уроки с неграмотными, митинги на городских окраинах и в деревнях, концерты — вот уж жаркие были дни! Тогда ваши ребята-комсомольцы говорили: «Совсем как когда-то у нас!» Это они имели в виду, что все, что мы тогда делали, что с нами тогда случалось, походило на юность советских комсомольцев двадцатых, тридцатых годов. Не так уж много я знала тогда о Советском Союзе, но уж то, что это страна могучая, страна спутников,— это-то я знала. Я не удивлялась тому, что советские ребята и знали больше нашего, и многое умели делать лучше, чем другие. Открытием для меня стало другое: их энтузиазм, их свежая память на революцию. То, что пережили еще их деды, в них не заросло, не умерло и никуда от них не ушло. Они приехали в страну, где революция только начиналась, делалась — и они были на месте. Не знаю, сумела ли я вам объяснить то, что хотела, но если не очень, то добавлю такую деталь: разъехалась наша интербригада, прошло довольно много времени, но когда меня, бывало, спрашивали где-нибудь на собрании — да откуда тебе это известно? — мне достаточно было сказать: я работала вместе с русскими, с теми ребятами, которых прислал комсомол.

Уже позже, уже когда мы ехали в Советский Союз на учебу, мы все думали про себя: как же мы там будем жить, вот так сразу и в социализме? Ведь не умеем, не готовы. И вот третий год, как я здесь, как учусь в Донецком энергетическом. На те прежние опасения и вопросы я давно себе ответила: для меня жить в социалистической стране — значит подниматься по ступенькам школы. Я это в том смысле говорю, что ведь и у вас, скажем, комсомольцем не родятся, а становятся. Помните, как Ленин говорил о том, что, если коммунист вздумал бы хвастаться коммунизмом, исходя из готовых выводов без собственной самостоятельной, серьезной и трудной работы, то такой коммунист, как он говорил, «был бы очень печален»? То есть надо, другими словами, учиться. То, что Ленин оставил и завещал всему миру, мы изучаем, не только когда садимся за библиотечные столы. Пусть извинят нас друзья-комсомольцы за наше, быть может, излишне пристальное внимание к будням их жизни, но нам действительно важно в ней все.

Моя страна переживает труднейшие дни. Теперь мы сами знаем, что такое война, и сердцем и разумом не хотим ее. События же складываются так, что империализм нас упорно и безжалостно толкает к войне, к кризису. Мы знаем, что должны выстоять, что должны успеть утвердить новую жизнь на своей земле. Тому, как это сделать, как организоваться, как не потерять оптимизма, как умножать свои силы в борьбе с врагом, в созидании, я и очень многие молодые никарагуанцы учимся у комсомола. Именно по той причине, что он прошел ленинскую школу, что он постоянно доказывает свое право носить имя Ленина.

Ферейро Лонда АЛЬБЕРТО, Ангола

Вот что сейчас главное: «Созидать, созидать, созидать — духом и плотью, мыслью и делом, сохраняя мышцы твердыми, чуткими — нервы, сухими — глаза!» Это строки из стихотворения нашего первого президента Агостиньо Нето. Не счесть, сколько лет мой народ мечтал об этом: созидать, созидать. Но как это трудно, если начинать приходится с нищеты, с остановившихся, размонтированных бежавшими колонизаторами немногих заводов, с примитивного сельского хозяйства, с племенной розни и даже вражды, с поголовной неграмотности — в момент освобождения в Анголе было 99 процентов неграмотных! Созидать в условиях постоянных военных и экономических диверсий, совершаемых против нас

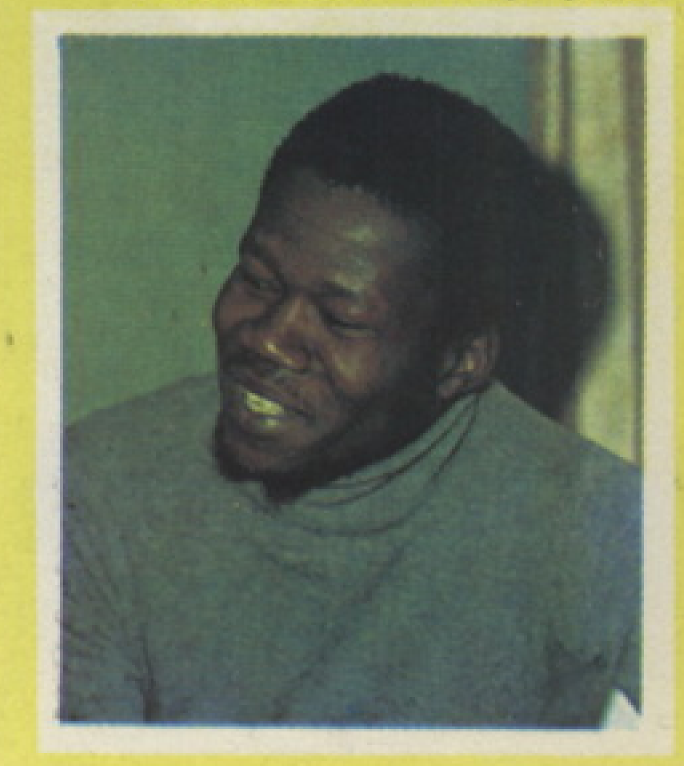
Этот выпуск традиционной рубрики «Журналисты-лумумбовцы в «Ровеснике» посвящен 60-летию присвоения комсомолу имени В. И. Ленина, которое вместе с ВЛКСМ, со всей советской молодежью отмечают многочисленные друзья Ленинского комсомола во всем мире.

Вот почему журналисты-лумумбовцы решили предоставить свою рубрику не только студентам Университета дружбы народов, но и иностранным студентам, обучающимся в других вузах Советского Союза, представителю Международного союза студентов (МСС).

Все мы — гости страны великого Ленина — за годы, проведенные рядом с комсомолом, его представителями в международных молодежных организациях, смогли лично убедиться, как в повседневной жизни, в делах всесоюзного масштаба, в международной деятельности комсомол высоко несет имя Ленина, торжественно принятое 60 лет назад.

Мы знаем, что в эти дни со всех концов света в адрес Ленинского комсомола поступают искренние поздравления со знаменательной датой. Журналисты-лумумбовцы от всей души присоединяются к этим приветствиям.

От их имени — Виктор Булен БАБА, Судан, студент отделения журналистики УДН имени П. Лумумбы

американскими империалистами и расистами ЮАР.

Мне еще на родине, еще когда я готовился к поездке в Советский Союз на учебу, сказали, что, кроме моих знаний специалиста и, быть может, не меньше, чем знания специалиста, мне понадобятся по возвращении уроки политического и социального опыта вашей страны. И далеко не в последнюю очередь опыта комсомола — ведь у нас в стране молодежь составляет большинство.

В двадцатые годы, когда ваша страна переходила от войны к строительству, Ленин говорил комсомольцам, что новые задачи будут еще более сложны, чем прежние. Говорил, что без овладения всем современным знанием, без привлечения к строительству всей массы рабочей и крестьянской молодежи нового общества не построить. Все это верно и для Анголы. За годы независимости в стране сложился костяк квалифицированных рабочих, техников, инженеров, среди которых немало тех, кто окончил учебные заведения Советского Союза; еще больше сегодня молодых ангольцев учится — и среди них немало тех, кому помогают это делать советские преподаватели, инженеры, рабочие, ученые, приехавшие в Анголу. Это одна сторона дела. Другая состоит в том, что надо уметь эффективно использовать эти первые и пока еще немногочисленные обученные кадры. И надо уметь организовать и направить ту энергию, которую пробудила революция в нашей стране среди миллионов простых людей. Именно здесь опыт комсомола по организации молодежных масс — в ликвидации неграмотности, в овладении массовыми профессиями, в кооперации, в решении крупных народнохозяйственных задач — для нас бесценен. Комсомольск-на-Амуре, Магнитка, потом целина, БАМ, «Атоммаш», Нечерноземье — мы изучаем эти крупнейшие проекты не только с точки зрения экономической, но и как лабораторию ценнейшего комсомольского опыта по мобилизации, организации, вовлечению масс молодежи.

То, что я сейчас говорил, это, так сказать, некоторые общие выводы. Но есть и личного плана. Скоро я заканчиваю учебу в Кишиневе, возвращаюсь на родину агрономом. Я не задержусь в столице, Луанде, я знаю — мне надо ехать в деревню, там сейчас мое место, и там я, наверное, лучше всего смогу делать то, чему учился в Советском Союзе. Так ведь не бывает, чтоб человек, скажем, лет сорок прожил лениво, а потом вдруг стал боевым и активным. Вот я и хочу помочь самым простым, самым обыкновенным ребятам не остаться на обочине набирающей у нас разгон жизни, набрать самим разгон, стать активными и умелыми, занять прочную позицию в жизни. Это ведь и им нужно, и нашей революции. Я понял, что тут очень прочная связь, потому что на протяжении пяти лет учебы перед моими глазами был пример Ленинского комсомола, да и просто пример многих комсомольцев, ставших за это время моими друзьями.

К 60-летию присвоения комсомолу имени В. И. Ленина

Сушила КУЛХАР, Индия

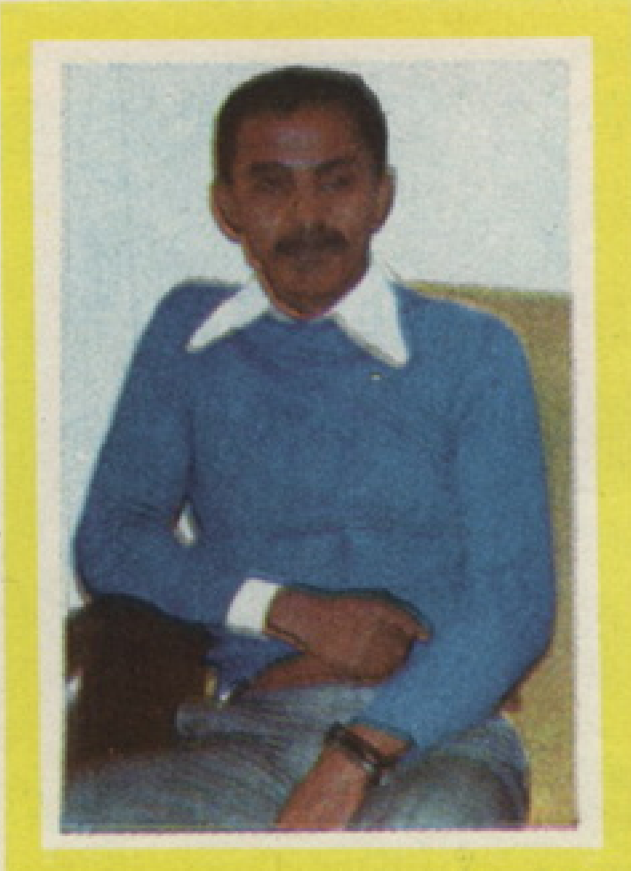
Родилась я в небольшой деревне в штате Раджастан в крестьянской семье. В наших краях выращивают рис и пшеницу, собирают по три урожая в год. Крестьянский труд тяжелый и изнурительный, и приучают к нему с раннего детства. И не помню, сколько мне было лет, когда я вместе с родителями, братьями и сестрами начала работать в поле. И потом, когда уже училась в школе, все равно приходилось много работать. Так что физический труд для меня привычен. Как и уважение к труду и людям труда. Это чувство всегда будет со мной.

Когда я приехала на учебу в Советский Союз, для меня началась совершенно новая жизнь, жизнь открытий. Чаще всего это происходило как бы исподволь, просто накапливались впечатления, и вроде бы будничные события складывались в один образ и представление. Вот и понятие «комсомол» вошло в мою жизнь весьма конкретным образом: открылась дверь, и я увидела мою будущую подругу. Правда, я и на родине слышала о комсомоле, знала, что Юрий Гагарин, которого, мне кажется, у нас в Индии знают все, был комсомольцем. Потом я прочла книгу «Как закалялась сталь», книгу о человеке, воплотившем волю и целеустремленность молодых коммунистов. И вот настала встреча с комсомолом, так сказать, очная. Что ж, мне повезло: та прежде незнакомая мне девушка стала близким другом. Я прожила в СССР пять лет, и если бы меня сегодня спросили, чем отличаются комсомольцы от всей остальной молодежи, то я бы сказала, что, конечно, ничем они не отличаются — они выделяются. То есть я хочу сказать, что они сами, их дела выделяют их. Разумеется, у моей подруги, как у каждого человека, есть личные черты характера, есть свои особенности, которые мне по душе — ведь мы подруги. Она человек тонкий, совсем не эгоистичный, она требовательна к себе и умеет дорожить чужим доверием. Я не буду говорить о ней все, я лучше скажу, что ее выделяет как комсомолку. У нее в характере есть такая очень личная черта, как коллективизм. Я хочу сказать этим, что нужно, чтоб это чувство было очень личным, если оно заметно в таком коллективистском обществе, как советское. А проявляется оно у настоящих комсомольцев в отношении к общему делу.

Как большинство крестьянских детей, я росла замкнутой и стеснительной. Мне, откровенно говоря, всегда было трудно сходиться с людьми, хотя очень хотелось этого. Здесь, в Университете дружбы народов, я осознала, что самая прочная дружба приходит именно с общим делом. Ленин призывал комсомол воспитывать себя в сознательном и дисциплинированном труде, такой труд становится школой познания мира и самого себя, помогает человеку установить прочные связи с окружением, ощутить поддержку и участие.

Помню, перед Московской олимпиадой мы, студенты, работали на строительстве конноспортивного комплекса. Нас было девять человек в бригаде: восемь парней и я. Ребята все боялись, что я устану, старались дать мне работу полегче, подбадривали, заставляли почаще отдыхать. А я посмеивалась: знали бы вы, как я дома работала! Нет, не в самой работе для меня было главное. Мы и до стройотряда знали друг друга, а тут стали как одна семья. Смешно, мне тогда ребята говорили: «Ты свой парень, Сушила...» Потом, совершенно для меня неожиданно, меня выбрали членом руководства землячества индийских студентов. Тогда-то в совместной работе с советскими комсомольцами я стала постигать умение работать с людьми, умение доказывать и убеждать. Когда после окончания университета я вернулась в Индию, больше всего мне вспоминалась именно атмосфера нашей студенческой дружбы.

И вот я снова в Москве, теперь в аспирантуре на кафедре филологии. Я понимаю, у комсомола много еще нерешенных проблем — это логика развития жизни, но я уверена, что комсомол, такой, каким я узнала его, способен на свершение самых больших и трудных дел. В год 60-летия присвоения комсомолу имени великого Ленина я желаю советским комсомольцам, всем юношам и девушкам страны, которая стала для меня второй родиной, новых успехов и побед.

Норбер **РАНДРИАМАМПИАНИНУ,** Мадагаскар

Так как я работаю в штаб-квартире МСС, мне кажется, я могу считать, что довольно хорошо знаю жизнь советской молодежи: ведь Студенческий совет СССР, комсомол — активные участники нашего движения, а его представители в нем — мои друзья и соратники по работе. Так получается, что мои соотечественники, которые приезжают учиться в СССР, довольно часто рассказывают мне о своих первых впечатлениях. В них обычно много удивления и восторга по поводу условий, которые созданы в вашей стране для учебы и полнокровной жизни молодежи, но я всегда говорю им: подождите, для вас самое интересное еще впереди, когда вы перестанете быть наблюдателями, а станете участниками окружающей вас жизни, когда почувствуете ее, если так можно сказать, комсомольский пульс. Тогда вы поймете, как много советская молодежь сама делает — и для себя, и для страны. Из опыта общения с комсомольцами я давно выделил для себя три характерные для комсомола вообще черты. Это дружелюбие, чувство товарищества и взаимопомощи. Это активность и деятельность, в которой мотором являются не какие-то меркантильные соображения, а целенаправленность, подчиненность идее. Это, наконец, принципиальность в отстаивании своих убеждений, своей точки зрения. Я выделяю эти качества по той причине, что был свидетелем их проявления неоднократно и мог бы привести здесь немало тому примеров, связанных с тем, как конкретно комсомол поддерживает движение прогрессивного студенчества мира; как заинтересованно и лично (хотя его-то лично эти проблемы не касаются) воспринимает он проблемы студенчества капиталистических стран — демократизации образования, занятости выпускников; как принимает близко к сердцу проблемы стран развивающихся — прежде всего подготовки собственных кадров; как активен он в нашей общей борьбе против угрозы войны, за международную солидарность и сотрудничество, против империалистического гнета и разбоя. Все эти качества присущи не только деятельности комсомола вообще, но и его конкретным представителям в международных организациях, тем парням и девушкам, которых я узнал на встречах, дискуссиях, митингах, проходивших в разных странах мира. Поверьте, это непростое дело в наше время острой идеологической борьбы—быть «представителем». И те, о ком я сейчас говорил, носили это звание с честью.

У каждого поколения всегда были и есть властители умов, есть высокие ориентиры мысли и нравственности. Если я скажу, что для нескольких поколений комсомольцев — это Ленин, то справедливость такого утверждения нуждается в одном существенном дополнении, а именно: имя В. И. Ленина, его дело, его наследие не менее дороги и миллионам людей в разных странах света. И каким высоким признанием роли ВЛКСМ может служить то обстоятельство, что, изучая, к примеру, у нас, на Мадагаскаре, ленинское теоретическое наследие, мы ищем и находим подтверждение ленинских мыслей в практике социалистического строительства в СССР, в деятельности комсомола.

Совсем немного времени осталось до XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Это прекрасно, что он на этот раз состоится на родине победившего социализма, в гостях у Ленинского комсомола. Где, как не здесь, подвести нам итоги прошедших лет борьбы за лучшее настоящее и будущее молодежи, где, как не здесь, собраться людям, верящим в идеи мира, сотрудничества, социального прогресса!

Сесар КАБАЛЬЕРО, Гондурас

Для знакомства представлюсь: я учусь на юридическом факультете Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Хочу сразу пояснить, почему выбрал юридический. Каждый, кто хоть немного слышал о современном Гондурасе, знает, что с такой профессией, если ты ставишь себе целью защищать интересы простых людей труда, там особо не на что рассчитывать. Все это верно, и все же я учусь на юриста, потому что им все равно не продержаться. Им — это кучке лакеев, считающих себя законными правителями, это жадным до скорых денег буржуа, это двум десяткам полковников и полицейским чинам, прошедшим выучку в американских «академиях». Их закон и права держатся пока на армейских штыках, на забитости, неграмотности и страхе, парализующих людей. И главное — на поддержке янки, проводящих в нашей стране бесконечные военные маневры, строящих многочисленные военные базы, на которых они натаскивают сомосовских бандитов...

Люди всегда мечтали о справедливости, и всегда за нее велась борьба, потому что у каждого класса было свое представление о ней. И сегодня разгоны демонстраций и каждое убийство борцов за свободу нашей страны выдаются властями и их североамериканскими наставниками за борьбу против «угрозы демократии и истинной свободе». Эту ложь надо разоблачать. Я хочу сказать, что для нас вопросы справедливости всегда на виду, они не предмет книжного спора, а каждодневных столкновений, а иногда — жизни и смерти.

Я приехал в Советский Союз не только изучать законы, я приехал, чтобы изучать, как делается, как осуществляется на практике социальная справедливость.

Вместе с советскими друзьями-комсомольцами мы были летом на БАМе, работали на закладке фундаментов для домов рабочих в Иркутской области. Среди многих впечатлений я выделил бы сейчас то, что относится к теме моего разговора. Я увидел, что эта великая стройка — БАМ, над которой шефствует комсомол, стала для многих тысяч ребят местом, где они смогли получить профессии, почувствовать себя самостоятельными, деятельными людьми, уважаемыми, обладающими всеми правами гражданами. Другими словами, я увидел, как большое дело формирует больших, значительных людей, их характеры и судьбы. И это не слова о социальной справедливости, а ее реальное воплощение. И еще я увидел, как на практике защищает права молодежи комсомол, как обстановка товарищества способствует осуществлению надежд, усилий, способностей людей.

Я до сих пор прекрасно помню очень симпатичную девушку, вожатую пионерского лагеря, который был неподалеку от нашей стройки. Если я скажу, что энергия ее всех заражала, что искренность ее была такой, что ты начинал жалеть, что не был давным-давно с ней знаком... в общем, я мог бы, наверное, еще многое о ней сказать, но все равно я не скажу о ней все, что-то еще останется. Я рад, что такие люди встретились мне в Сибири: и в мыслях у меня никогда не было, что когда-нибудь у меня, гондурасца, будут друзья в Сибири, что в Сибири меня уговорят выступать перед молодежью и рассказывать ей о Гондурасе. Что им будет интересно меня слушать, а мне от этого будет радостно, и я буду волноваться...

В общем, если б мне надо было соединить все мои впечатления от советской молодежи, то без всякой демагогии и лишних слов я сказал бы так: будь я советским человеком, я бы стал комсомольцем.

Баро ЗУМАНА,
Верхняя Вольта

Совсем уже скоро день, когда я смогу говорить о себе: «закончил Кишиневский политехнический...», когда обо мне будут говорить: «специалист по организации и планированию производства». Мне этот день представляется некой высотой, к которой я долго поднимался; высота эта — вся сумма знаний и впечатлений, приобретенных за годы учебы. Моя высота. Может, потому, что день этот так близок, я часто сейчас думаю о том, когда же и как начался мой путь в Советский Союз, и чем для меня останутся памятными проведенные здесь годы.

Получается так, что этот путь начался задолго до того, как появилась сама возможность поехать в Москву. Наверное, лет двенадцать назад, еще школьником, я был свидетелем того, как мои старшие знакомые, только что приехавшие после учебы из Франции (а в то время только там, в бывшей метрополии, могли получить серьезное образование немногие счастливчики), говорили о Ленине. Да, именно о Ленине — о том, что прочитали о Ленине и из его работ. Говорили с волнением, с озабоченностью о правильности своего жизненного выбора, о том, что считали главным для себя, о неотложных задачах, стоявших перед нашей страной. Между прочим, я точно помню, что среди прочего они обсуждали и мысли Ленина о том, какими должны быть отношения между различными нациями и народностями. Национальный вопрос был и сейчас остается острым, наверное, для каждой африканской страны, моей в том числе.

Не скрою, что, собираясь в Советский Союз, я волновался. Я знал, что мне больше всего понадобятся в предстоящие годы дружелюбие и доверие незнакомых мне пока людей, но не знал, могли я на них рассчитывать. Я не знал тогда того, что знаю сейчас: интернационализм для советского человека — не книжное понятие, а часть его натуры и характера.

Я учусь в Кишиневе, в столице одной из советских республик, и потому имею возможность видеть в недавней истории этого края, в сегодняшней его жизни, в судьбах абсолютно реальных людей, моих хороших товарищей, как плодотворны, как, если хотите, производительны гуманные идеи и принципы дружбы народов. Сами молдаване говорили мне о том, какого прогресса добилась их родная Молдавия за годы Советской власти. Да мы и сами это видели, достаточно сравнить, например, документальные кадры, снятые, скажем, после войны, и сегодняшний день. Какой скачок всего за сорок лет, за жизнь, меньшую, чем одно поколение! И какой бесценный опыт для нас; какой пример характера, воли, единства действий людей разных национальностей!

Какую бы область ленинской национальной политики мы ни взяли, комсомол всегда был на самом острие ее претворения в жизнь. Вчера в ликвидации неграмотности, в строительстве Турксиба и Магнитки, в освоении целины, сегодня в решении важнейших комплексных программ, таких, как Продовольственная, Нечерноземье, БАМ и другие, многонациональные и многотысячные комсомольские отряды по-прежнему на главных ролях. Эти отряды не только решают конкретные экономические и социальные задачи, ускоряют развитие прежде отстававших или глухих районов, они настоящая жизненная школа для самих их участников, выходцев из разных республик страны. Комсомольцы строят фермы, заводы и города, но, как и всегда бывало, они при этом «строят» и себя. Можно быть уверенным, что среди главных черт их характера будут патриотизм и интернационализм.

Ле Суан ХЫОНГ,
Вьетнам

В истории становления Советского государства и социалистического Вьетнама много общего. Путь наших стран к социализму был нелегким: революция, ее защита от врагов, кровопролитные войны — время не для спокойной работы и учебы, не для безоблачной любви и радостей, не для увлечений спортом или искусством. По этому трудному пути советский и вьетнамский народы прошли, ведомые идеями и заветами Ленина и Хо Ши Мина. Ленин и Хо Ши Мин — создатели коммунистических партий наших стран, выразители наших идеалов, наши вожди, и это закономерно, что комсомолы СССР и Вьетнама, которые являются резервом партии, носят их имена. Это гордость, честь и вместе с тем большая ответственность для союзов молодежи. Сейчас я член Компартии Вьетнама, а до этого прошла школу Союза трудящейся молодежи, так раньше назывался наш комсомол. Примером служения делу революции был для меня мой отец. Он участвовал еще в войне с французскими колонизаторами, да и потом работал в подполье, жил в эмиграции. В первый раз в жизни я увидела его, когда мне было уже 14 лет. Все трудное военное время мама растила нас одна. До сих пор не могу забыть ужасов войны. До сих пор слышу, как плачет и кричит мой племянник: «Кто-нибудь! Спрячьте меня!» Его ранило осколком во время бомбежки, и к вечеру он умер... Когда я была в Белоруссии, я особенно остро почувствовала, какого мужества, какой стойкости потребовала война от народа вашей страны. В Брестской крепости я слышала голос Левитана, видела памятник «Жажда», документальный фильм о защите крепости. Там есть эпизод, в котором в День Победы после войны в Бресте встречаются два старых солдата, которые защищали эту крепость, когда были молодыми. Они обнимались и плакали, эти два мужественных человека, принявшие первый бой в 1941 году, а последний — в сорок пятом. Они целовали свое боевое знамя и землю, на которой сражались. Все это меня потрясло. Я ведь тоже свидетель войны. Тогда в Бресте я сказала себе: а ведь, в сущности, тех двух советских ребят (наверное, они были в то время комсомольцами) непобедимыми и по-настоящему великими сделала любовь. Про нее говорят, что это чувство хрупкое, но не тогда, когда это любовь к родине и своему народу. И еще их сделала стойкими ненависть к фашизму, империализму, войне. Те же самые чувства, что испытывали и наши вьетнамские ребята и девушки, сражавшиеся с американскими агрессорами.

Я учусь в Государственном институте театрального искусства в Москве и, понятно, с особым интересом смотрю фильмы, спектакли, картины, слушаю песни молодых авторов и исполнителей. Как прекрасно, что в их произведениях звучит живая народная память; как это здорово, что в этой памяти не только благодарность молодых, но и верность тем же патриотическим идеалам, что вдохновляли прежние поколения комсомольцев!

И еще одно. В эти годы, проведенные мною в Москве, у меня было множество встреч, когда я могла убедиться в особой сердечности отношения советских людей ко мне — вьетнамке. Наши чувства взаимны: во Вьетнаме каждый человек знает, как много сделал советский народ, чтоб мы смогли победить. Во Вьетнаме каждый помнит, что советские люди — и комсомольцы в том числе,— несмотря ни на какие обстоятельства, всегда оставались верными своему интернациональному долгу, своей интернационалистской совести. Верными заветам Ленина.

РЕКВИЕМ ПО 620 ТЫСЯЧАМ

(Размышления над фильмом «Мы помним» в канун 40-летия с начала освобождения Польши от фашистских захватчиков)

А. ПОЛИКОВСКИЙ

Этот фильм можно было бы назвать фильмом-памятником, фильмом-памятью одного народа о подвиге другого народа, совершенном во имя жизни, над которой нависла смертельная опасность, если бы он не назывался еще точнее и значительнее, как клятва: «Мы помним». А фильм этот — запечатленная на пленке история, спрессованная в 15 минут экранного времени документальная история освобождения Польши от фашистских захватчиков Советской Армией.

Его собрал польский кинорежиссер М. Свирский, именно собрал по кадрам, по эпизодам военной хроники, отснятой советскими и польскими документалистами 40 лет назад.

Они снимали тогда вместе, чувствуя плечо друг друга. Не надо понимать это буквально, потому что фронт, проходивший по Польше, тянулся на несколько сот километров, распадался на очаги и «горячие точки», где шли особенно упорные бои; и все же это был один фронт. И все люди, бывшие на этом фронте,— советские солдаты и солдаты из польской дивизии имени Костюшко, советские фронтовые операторы и польские — делали одно общее дело. Возможно, в фильме есть и кадры, снятые в Польше советским оператором Владимиром Сушинским — он погиб, снимая атаку в Бреславле, и фамилия его выбита на Доске павших Центральной студии документальных фильмов в Москве. Фильм М. Свирского — память о боевом содружестве советских и польских операторов, память о тех, кто оплатил эти кадры своей кровью. Но, конечно, не только об этом и не столько об этом. Эта память, память режиссера о погибших операторах, входит составной частью в широкий, всеобъемлющий круг памяти поляков о войне. Об освобождении. Об освободителях. В фильме показаны лица, множество лиц советских солдат, словно бы для того, чтобы пожилые поляки, придя в кинозал, могли увидеть среди этих лиц знакомые, незабвенные лица освободителей из того далекого и близкого сорок четвертого года... А у нас в стране, может быть, кто-то из зрителей узнает себя, а кто-то вспомнит отца или деда, оставшегося навсегда в польской земле.

В жизни народов бывают события, которые обнажают подноготную их отношений, определяя эти отношения на многие лета вперед, навечно. Таким событием стало освобождение Польши Советской Армией. Но прежде чем говорить непосредственно об освобождении, М. Свирский показывает, от чего, от какого ада было это освобождение.

«Мы помним»,— говорит режиссер, и вместе с ним

помнит вся Польша о том, что происходило в 1939—1944 годах, когда фашизм осуществлял планомерное уничтожение польской нации, о том, что происходило в Освенциме и Майданеке, в тюрьмах и лагерях, за колючей проволокой, за вышками с автоматчиками.

Решив не пересказывать фильма и все же обращаясь к некоторым ключевым моментам, мы процитируем старые газеты. Корреспонденты и кинооператоры вместе с первыми нашими частями входили в польские города, в лагеря уничтожения, куда свозили людей из этих городов. От чего освободила поляков Красная Армия? Вот от чего: «Расстреливали в лесу. Расстреливали во рвах. Засекали бичами. Травили собаками. Убивали палками. Дробили черепа. Топили в воде. Запихивали в «душегубки».— Плотнее! Плотнее! Чтоб больше вошло.— Морили голодом. Убивали туберкулезом. Душили в серых бетонных камерах. Напихивали людей побольше. Двести пятьдесят. Триста.— Плотнее! Плотнее! — Душили циклоном. Отравляли хлором. Через стеклянный глазок смотрели, как корчатся умирающие...» — рассказывал писатель и военный корреспондент Борис Горбатов в августовском номере «Правды» 1944 года.

И все же, конечно, центр тяжести фильма лежит не здесь. Главный пафос — напоминание о жизни, которая пробилась через смерть, напоминание не о поработителях и палачах (хотя не помнить их кровавые злодеяния нельзя), а об освободителях.

Освобождение! Этого освобождения Польша ждала пять лет, и вот оно пришло. Они ждали Красную Армию, по ночам слушая радиопередачи из Москвы, до минимума убрав звук, потому что тех, кто слушает передачи из Москвы, посылали в лагерь, из которого возврата не было... Они по карте в школьном атласе мира следили за движением линии фронта от Москвы на запад, упорное, занявшее три года движение через Белоруссию и Украину к Польше, к Висле: когда же?

А потом с нарастающей надеждой и ликованием уже по карте своей страны следили за движением Советской Армии от Вислы к Одеру. Эта карта, карта освобождения, несколько раз появляется на экране: скорее, скорее!

Мы помним освобождение и освободителей — вот основа памяти, вот основа, на которой строится и сегодняшний день. Именно поэтому в конце фильма идут кадры, снятые в современной Польше: возложение венков к памятникам советских солдат. Памятники тем, кто отдал за Польшу жизнь.

...Гудящий, мощный язык пламени вырывался из каменной чаши и распластывался на ночном ветру. Это было в декабре 1983 года на советском военном кладбище под Варшавой. К освещенному прожекторами обелиску харцеры медленным шагом несли венки. Было холодно, но все они, сняв в автобусе пальто и куртки, остались в парадной форме, в зеленых рубашках со шнурами и погончиками. В боковой аллее, темным силуэтом в темноте, виден был барабанщик. У ворот кладбища собралась группа прохожих — поляков и смотрела молча.

Медленным шагом они шли, по двое неся между собой венки. И только два звука было в ночи: гул огня на ветру и редкие, как колокольный звон, удары барабанщика.

Ничего не было сказано. Да и нельзя, неудобно было говорить в эти минуты. Лица харцеров, молодые, замкнутые и какие-то сурово-возвышенные, запомнились мне.

А вокруг, вправо и влево от утрамбованной снежной дорожки, по которой они шли, сзади и далеко впереди за обелиском — бесконечные ряды солдатских могил, тысячи одинаковых белых невысоких камней с фамилиями, званиями и годами через черточку. И глаза перебегали с одного надгробия на другое, уходил взгляд вдаль, возвращался назад, память не в силах была удержать и те несколько десятков фамилий, что были на ближних камнях, и запомнился, в красном свете огня остался в памяти белый плоский камень, под которым лежал майор Лебедев, 1919—1944.

В фильме «Мы помним» нет этих обширных кладбищ, рядами выстроенных могил, есть могилы другие — фанерный обелиск с жестяной звездой наверху, холмик земли, салют из винтовок. Скромные могилы военных лет, спешные похороны, минута молчания — и надо идти дальше, вперед, к Одеру катится по Польше вал освобождения...

Кровавый труд освобождения, что приняли на себя наши солдаты, показан в фильме М. Свирского. «Мы помним» — значит, что Польша помнит, чего стоил этот труд, каких жертв. Каких усилий.

Память — и одновременно напоминание. Напоминание о том, что освобождение не пришло само, и не было оно одним триумфальным шествием по городам и селам,

Прежде чем взвился национальный флаг над столицей Польши Варшавой, прежде чем распахнули свои объятия навстречу советским воинам-освободителям жители Кракова, Красной Армии и ее побратиму Войску Польскому пришлось пройти через огонь тяжелейших кровопролитных боев. «За вашу и нашу свободу!» — звучало тогда над Польшей.

но было трудом, замешенным на поте и крови. И снова и снова показывает нам режиссер лица советских солдат, десятки и сотни лиц проплывают перед нашими глазами за пятнадцать минут — эти пятнадцать минут мы должны остаться один на один с самими собою, и все, что надо сказать, мы должны сказать про себя. Себе.

Лица, лица и лица. Из темной глубины старой пленки глянет на нас твердое, волевое лицо солдата, что, идя в колонне, несет на плече ручной пулемет. Увидим во весь экран лицо офицера, что командует: «Огонь!» Спрыгнет с самоходки и побежит вразвалку к воде парень в пропотевшем танковом шлеме смыть гарь с лица студеной водой Балтики... Никто не появится на экране дважды, всем дано одинаковое время, несколько секунд, и вот уже новые и новые лица солдат, лица освободителей, как они запомнились полякам. Потому и называется фильм — «Мы помним».

Лица, лица и лица. Каждое изображение, каждый кадр имеют ценность сами по себе, но кадры складываются в фильм, а лица — в галерею лиц, в один общий образ. Фильм — портрет Советской Армии, занятой делом освобождения и увиденной глазами тех, кто пять лет был на грани жизни и смерти. Благодарными глазами освобожденных.

Этот фильм — память и о самих себе. Память поляков о том, как они встречали освободителей. Кадры кошмара в Майданеке сменяются кадрами, которые излучают чувство облегчения, счастья, ликования. Летят цветы на броню наших танков.

Хотя не сопровождает фильм музыка (только иногда возникает как будто издалека щемящий мотив — это значит, что на экране убитые или раненые...) — у зрителя остается ощущение, что в эти мгновения играли, гремели оркестры и день вступления наших войск в польский город был праздником.

Такое отношение возможно только к людям, которые, рискуя своей жизнью, спасли твою. В кружке поляков стоят советские солдаты, один из них, в плащ-палатке и с автоматом на груди, держит самокрутку, улыбается смущенно и застенчиво, как человек, неожиданно попавший в центр общего внимания. Не слышно, что говорят поляки, но видно, что говорят они наперебой, и руки их тянутся к рукам красноармейцев — потрогать робким движением...

Газеты сорок четвертого года рассказывают о том, как встречали поляки своих освободителей. Часто рассказывают общими газетными фразами: «с большим воодушевлением», «с ликованием...» Но, посмотрев фильм, прикоснувшись к живой памяти, мы понимаем, каковы были эти воодушевление и ликование, когда весь город выходил на главную улицу, «и люди, принарядившись, уже перед вечером встречали наши танки, бронетранспортеры, орудия, грузовики с пехотой с восторгом, с трогательным выражением благодарности...» («Правда», 27 июля 1944 года. Корреспонденция О. Курганова «В городе Люблине»).

Вот еще несколько газетных отрывков, где живые сцены освобождения доносят до нас саму атмосферу сорок четвертого года в Польше. Эти отрывки перекликаются с кадрами фильма — есть в фильме и поляки, помогающие советским солдатам толкать засевшие в грязи пушки, есть и подбитый танк в центре Варшавы и двое солдат Войска Польского, скорбно стоящие перед ним, есть главное: ощущение единства и счастья и предчувствие мирной жизни, которая уже близка...

«Высокий, потемневший от времени деревянный крест стоит на околице польской деревни Рутковска Вельке. Полчаса назад здесь еще хозяйничали немцы: дымятся развалины хат, догорает гумно. Ветер тянет горьким запахом гари, пылью опустошения.

Саперы батальона майора Даниленко первыми подходят к деревне. Навстречу бойцам бросается пожилая крестьянка. Смеясь и плача, она приветствует советских воинов, ведет их по дороге и, мешая русскую и польскую речь, что-то взволнованно объясняет. На въезде в деревню саперы останавливаются. Дорога усеяна минами, но деревянные ящики немецких противопехотных мин кем-то аккуратно откопаны, они на виду.

— Настановили, проклятые, смерть в скрыне,— говорит Анна Рутковская.

Саперы удивленно переглядываются.

— Кто это выкопал, мамаша?

— А я. Уследила, где они зарывают, и повыкидывала землю от скрынь, чтобы вам виднее было,— просто ответила крестьянка.— А трогать их боялась» («Правда», 30 августа 1944 года. Корреспонденция младшего лейтенанта Г. Чукай «В польской деревне»).

«На подбитом советском танке есть надпись: «Здесь погиб в боях за Люблин механик-водитель Нестеренко». Кто-то написал на польском языке, повыше, у башни, мелом: «Слава ему!» («Правда», 3 августа 1944 года. О. Курганов, «По городам Польши»).

«На перекрестке дорог я видел, как наш солдат, пыльный и усталый, нес на плече маленькую беловолосую девочку в пестром платьице. Рядом шагала ее мать, неся за спиной вязанки душистого клевера, по-видимому, для красноармейских лошадей. И столько было в этом простодушного доверия и человеческой общности людей, борющихся и освобожденных, что мне навсегда врезалась в память эта вечерняя лиловатая дорога, уходящая вдаль, мирные поля и силуэты идущих по дороге людей, словно кистью художника очерченные на фоне неспокойного, все еще пылающего багрянцем и кровью заката» («Правда», 31 августа 1944 года, 1-й Украинский фронт, корреспонденция Л. Первомайского).

«К фронту подходят наши орудия, увитые цветами,— они прошли по дорогам Польши» («Правда», 25 августа 1944 года. О. Курганов, «Дни возвращения»).

После фильма люди выходят из зала молча, с сосредоточенными, в себя обращенными лицами. Этот фильм нельзя оценить, а можно только пережить: нельзя оценивать по законам искусства войну, смерть и освобождение. Последний кадр фильма снимает и вопрос о том, что самое важное в памяти поляков о войне. Резкий черно-белый аккорд. 620 000 — сначала черным по белому, потом белым по черному появляются эти цифры на экране. Столько советских солдат погибло, освобождая Польшу.

Бородатый парень, улыбаясь, крепко пожал мне руку. Потертые джинсы, видавшие виды кроссовки, выгоревшая на солнце безрукавка — весьма популярная «униформа» венгерской молодежи. Признаюсь, не совсем так представлял я себе Габора Холлерунга. Сразу еще одна неожиданность — мы прекрасно понимаем друг друга без помощи переводчицы. На немецком Габор говорит с не меньшей стремительностью и не меньшим напором, чем на родном венгерском. Таков вкратце его портрет. А теперь слово самому Габору.

Габор ХОЛЛЕРУНГ, ответственный за работу с творческой молодежью отдела культуры Будапештского горкома Венгерского коммунистического союза молодежи

— Мне сказали, вы хотите написать о том, как венгерский комсомол руководит творческой молодежью? Ну что ж, тогда начнем с того, что слово «руководить» сюда не совсем подходит. Руководить можно производственным процессом на фабрике, а нам приходится иметь дело с музыкантами, художниками, поэтами. В конце концов и Шандор Петефи, и ваш Лермонтов — тоже творческая молодежь, ведь им было одному 26, другому 27 лет — вполне комсомольский возраст, но, согласитесь, странно было бы «руководить» ими. Проблема, мне кажется, стоит по-другому. Во все времена люди тянулись к творчеству, но стать художниками, скульпторами, писателями — творить могли далеко не все. Особенно молодые, непризнанные художники были самыми беззащитными. Вспомните, сколько талантливых людей проводили свою молодость, наиболее плодотворный творческий период человеческой жизни, в борьбе с нуждой, непониманием — Рембо, Модильяни... Сколько бесценных книг, картин, скульптур, симфоний было не создано, потому что никто вовремя не помог безвестным молодым гениям. Это ведь проблема всех времен и народов — как быть с гениями. В этом, собственно, и заключается наша работа —

СЕКРЕТ ОДИН — ТВОРИТЬ

помогать молодым ребятам творить, создавать для творчества все условия, дать возможность всем развиваться в полную силу, чтобы ни один талант не пропал. Конечно, в 16 лет все пишут стихи, и далеко не все становятся великими, но помогать творить надо всем.

А работы здесь полно, начнем хотя бы с чисто материальной стороны дела, без чего невозможно никакое искусство. Ведь художникам нужны мастерские, салоны, выставки, музыкантам — концертные залы, инструменты, молодежным театрам — помещение, оборудование, реквизит. Здесь, если можно так сказать, комсомол взял на себя роль мецената. А затраты себя оправдывают. Что далеко за примером ходить: через месяц в Будапеште открывается фестиваль искусств, и в центре внимания — выступления знаменитого теперь на весь мир балета из Дьёра. А начался он так: к нам в горком пришли ребята, 18 человек, выпускники хореографического училища, и сказали, что они не хотят расставаться, а хотели бы организовать балетную труппу и выступать вместе. На ребят обратил внимание Иван Марко, наш замечательный танцовщик — он учился во Франции у знаменитого Мориса Бежара,— и стал с ними заниматься. Конечно, создать новый балетный театр — желание прекрасное, но как его осуществить, для нового театра нужны деньги, помещение и так далее. Но было ясно, ребятам обязательно нужно помочь. Комсомол взялся за это дело и договорился с городом Дьёром, у которого не было своей балетной труппы. Прошло всего три года, и теперь Дьёрский балет — гордость Венгрии, его приглашают на гастроли в театры всего мира.

«Балет из Дьёра» и будапештский «Театр Рок», прежде чем стали названиями известных даже за пределами страны коллективов, были молодежными самодеятельными инициативами, которые поддержал ВКСМ.

Казалось бы, простая помощь, а ведь это тоже своего рода борьба — все время, каждую минуту мы должны завоевывать людей, и те средства, которые мы вкладываем, оказывая им помощь, это в каком-то смысле наш политический капитал. Люди видят, что это настоящее искусство, и кто помог этим ребятам стать тем, кем они теперь стали,— мы, комсомол. Со стороны это может показаться обыкновенным бизнесом на искусстве: менеджер-комсомол вкладывает деньги в зрелищные предприятия. Но на то наша финансовая политика в этой области и является политикой, что в отличие от АББА, например, или других фирм шоу-бизнеса мы не занимаемся коммерческим предпринимательством. С другой стороны, любое «менеджерство» политично, и на Западе происходит «руководство» искусством, например, мало кто захочет вкладывать деньги в творчество какого-нибудь прогрессивного художника.

У нас двойная задача: с одной стороны, воспитать художников, духовно обогатить их, идейно направить и, с другой — помочь им материализовать это духовное богатство, донести свое искусство до людей. Политическое образование и воспитание — дело очень сложное, особенно когда речь идет о людях творческих, и поэтому проводить его на низком уровне, ради «галочки», а такое у нас, к сожалению, еще встречается, не только бесполезно, но, наоборот, вредит нашей работе, отталкивает от нас людей. Поэтому мы все время пытаемся искать какие-то новые, интересные формы подхода к творческой молодежи.

Приведу один, может быть, наиболее яркий пример. В Тате, маленьком городке в 70 километрах от Будапешта, мы организовали большой летний лагерь в очень красивом, живописном месте. Каждые две-три недели сюда приезжают отдыхать комсомольские работники и те, кого называют творческой молодежью,— и профессиональные художники, актеры, музыканты и любители: студенты, рабочие, школьники. Они живут в маленьких домиках, а в самый сезон там возникает целый палаточный городок, его население в прошлом году выросло до 600 человек. Конечно, это отдых, но не совсем в обычном смысле, хотя и здесь ребята прекрасно загорают, купаются, ходят в походы, ездят на экскурсии, в общем, все, как полагается на отдыхе, но не это здесь главное. В лагере все время проходят собрания, дискуссии, на которых ребята обсуждают и международное положение, и наши внутренние проблемы, говорят о вопросах, которые действительно их волнуют и в общественной жизни вообще, и в жизни молодежи в частности. Конечно, основные споры разгораются вокруг искусства. И важно, что ребята не только высказывают свои мнения, но и пытаются выразить их на практике. Каждый день в лагере проводятся выступления театральных коллективов, рок-групп, проходят выставки художников, организуются поэтические вечера.

Это, конечно, только одна из форм нашей работы. Главное для нас, чтобы ребята не замыкались в себе, что свойственно многим молодым художникам, а смотрели, что творится вокруг, чтобы они замечали и перерабатывали в себе и в своих произведениях все хорошее и плохое в жизни, чтобы они не пассивно наблюдали за тем, что происходит на их улице, в их городе, в стране, а активно включались в общее дело — своим творчеством.

И уже следующая наша задача — стимулировать творческую деятельность молодых. Не только создавать все условия для творчества, но и делать так, чтобы это творчество дошло до людей, иначе оно не имеет смысла.

Особенно остро этот вопрос стоит перед самодеятельными артистами и художниками. Хотя само слово «самодеятельность» и имеет подчас слегка пренебрежительный оттенок, нередко наши самодеятельные коллективы достигают очень высокого профессионального уровня и получают заслуженное признание. Каждые два года мы проводим по всей Венгрии конкурсы любительских коллективов — сначала в районе, потом в городе, области, стране. Лучшие выступают с концертами по телевидению. Это, кстати, одна из самых популярных у нас передач, так и называется: «Кто что умеет». Финальный конкурс проходит в шесть туров и показывается по пятницам. Тут можно увидеть все, что угодно: от рок-групп и народных танцев до фокусников и дрессировщиков домашних животных. Телезрители определяют победителей, которые выступают потом в специальном большом концерте. В эти дни они становятся чуть ли не национальными героями, о них везде пишут, их фотографии печатаются в газетах и журналах. Многие наши профессиональные актеры, певцы, танцоры начинали именно с таких вот конкурсов. Сам ведущий передачи, популярный у нас комик Янош Гальвёльди, тоже прославился в свое время в «Кто что умеет».

Рок-театр тоже ведь наших рук дело. А начинался этот самый популярный теперь молодежный театр так. Летом 1980 года к нам в Будапештский горком комсомола пришли два молодых человека. «У нас в Венгрии,— сказали они,— есть оперетты, мюзиклы, развлекательные шоу, но у нас нет настоящего молодежного боевого рок-театра. Пришло время делать искусство на новом, молодежном языке». Это были Миклош Тибор, вдохновитель и режиссер будущего театра, и Миклош Варкони, ставший знаменитым теперь композитором. Необходимость нового театра, отвечающего требованиям сегодняшнего дня, была очевидна. Комсомол поддержал инициативу, и на свет появился Роксинхаз, любимый театр венгерской молодежи, свой комсомольский рок-театр. У ребят пока нет своего помещения, но мы уже договариваемся о здании с городским Советом, так что театр может надеяться на скорое новоселье.

Как я пришел к своей работе? Скорее, моя работа сама нашла меня. После окончания Будапештской консерватории я поехал работать в провинцию, где дирижировал оркестром. Потом меня пригласили преподавать в музыкальную академию. Все это время я активно занимался комсомольской работой, был секретарем ВКСМ в консерватории. Когда горкому комсомола понадобился человек в отдел культуры, выбор пал на меня. Но это совсем не значит, что я изменил музыке. Просто днем я комсомольский работник, а вечером — дирижер. Уже три года я руковожу любительским хором, самым большим при комсомоле, у меня 80 человек. В основном это студенты университета, но, окончив учебу, они не расстаются с хором. Так что у нас есть и учителя, и врачи, и инженеры, люди самых разных профессий, но увлеченные одним — музыкой. Мы часто выступаем, за этот сезон дали 55 концертов. В неделю бывает по три репетиции, а когда много работы, собираемся и чаще. Ездим выступать за границу, сейчас собираемся в Испанию. Еще у меня есть оркестр, любительский оркестр при профсоюзе работников сферы обслуживания. С оркестром, конечно, посложнее. Ведь можно иметь от природы хороший голос, но нельзя от природы уметь хорошо играть на скрипке. Мы собираемся два раза в неделю, но этого, конечно, мало. Вот и получается, что все дни заняты с утра до ночи. Жена, конечно, часто бывает недовольна, да и дочке уже полтора года, надо уделять ей больше времени, ведь я занимаюсь с ней музыкой. Конечно, может показаться, что это немного рано, но Золтан Кодаи говорил, что учить музыке надо начинать с девяти месяцев... до рождения ребенка. Но вообще, я считаю, если хочешь, время на все найдешь, было бы желание. Поэтому мы с Марией ни одной выставки не пропускаем, ни одной театральной премьеры, ни одного стоящего фильма. И потом, ведь я еще рисую. И о хобби тоже нельзя забывать: я по возможности собираю красивые старинные издания, альбомы по искусству, антикварные книги. Как все успеваю, сам не знаю. Но главное, конечно, я люблю мою работу. Наверно, потому, что ее нельзя не любить, ведь она заключается в том, чтобы люди независимо от их рода деятельности — будь то шофер, официант или рабочий — приобщались к искусству и учились любить его.

Может быть, особенно остро эта проблема стоит в деревне, здесь любительское творчество играет особую роль. В Будапеште есть много возможностей для того, чтобы провести вечер:

театры, концерты, кино, на любой вкус. Казалось бы, Венгрия — страна маленькая, даже если ты живешь где-нибудь в глубинке, садись в машину, и через час ты уже в столице. Но на это нельзя делать ставку, считая, что в уик-энд каждый приедет сюда в театр. Поэтому мы стараемся развивать искусства в маленьких городках и деревнях. Например, когда я работал после консерватории дирижером в провинции, мы с комсомольцами собрали молодежную концертную бригаду, составили программу и показали ее в отделе культуры обкома ВКСМ. Наша программа понравилась, мы получили одну из специальных стипендий, которые выделяются из фонда комсомола провинциальным коллективам, и стали каждое воскресенье ездить по городкам и деревням нашей округи. Ребята получили возможность выступать, а для людей каждый такой концерт — праздник. А какое это удовольствие самим артистам: неделю парень работает на молочной ферме, а в воскресенье он превращается в настоящего актера, на выступление которого приходят настоящие зрители. И таких организованных комсомолом самодеятельных концертных бригад, хоров, оркестров, народных домов танцев, очень популярных у нас сейчас, тысячи, и их число все увеличивается. Вообще, эстетическому, и в частности музыкальному, воспитанию у нас традиционно уделяется много внимания и в школах, где музыка и пение — предметы не менее важные, чем венгерский или математика, и даже в детском саду — дети осваивают устную музыкальную грамоту по системе Золтана Кодаи — звучание каждой ноты сопровождается определенным жестом. Опять же речь идет не о подготовке профессионалов, а о воспитании будущей публики. В музыке, как и в любом другом искусстве, необходимо в первую очередь готовить публику.

Весной у нас подряд идут большие праздники: 15 марта годовщина революции 1848 года, 21 марта — первой Советской республики 1919 года, 4 апреля — День освобождения Венгрии в 1945 году. В эти дни в Будапеште проводится весенний фестиваль искусств. Вот и родилась идея превратить этот фестиваль в настоящий народный праздник. Мы подготовили большую уличную программу, чтобы площади города превратились в театральные подмостки и танцевальные площадки, а весь Будапешт — в веселую карнавальную сцену. Все это прежде всего силами самодеятельных коллективов.

Конечно, в каждой работе есть свои особенности, свои «секреты ремесла», которые открываются только собственным опытом. В моей работе, я думаю, секрет один. Тем более что ремеслом мою работу никак не назовешь — я свою работу считаю творческой. А как творить, что лежит в основе творчества — это действительно секрет, который каждый для себя открывает сам. Вообще же считаю, что в моей работе, как и в любой другой, прежде всего надо быть специалистом. И если речь идет о культуре, то комсомольский работник должен быть прежде всего высокообразованным человеком, ведь он работает с художниками, поэтами, музыкантами, и необходимо, чтобы разговор с ними происходил на равных, иначе тебя просто не будут уважать. Поэтому самая большая и трудная работа — это работа над самим собой. Конечно, нельзя обладать профессиональными знаниями во всех областях искусства, ведь даже специализация — играть будущему музыканту на скрипке или на рояле — начинается уже в самом раннем возрасте. Но можно и нужно все время учиться хорошему вкусу и в музыке, и в живописи, и в кино, иначе какой из тебя «руководитель» творческой молодежи. У меня в связи с моим музыкальным образованием был крен в одну сторону, так что пришлось заполнять пробелы в других областях, так сказать, наверстывать упущенное — читать книги по истории, психологии, философии, искусству, литературе. Необходима для комсомольского работника и близость к тем людям, с которыми он работает. Нужно, чтобы ребята сразу почувствовали, что он не какой-то «бог из машины», что он свой, иначе не будет главного — доверия. На первый взгляд все это мелочи, но на самом деле очень важно, как комсомольский работник одевается, как ведет себя, как говорит. В каком-то смысле мне повезло, ведь до работы в комсомоле я сам был «творческой молодежью» и получал от комсомола ту необходимую помощь, за которой теперь обращаются ко мне другие, а это очень важно — знать тех, с кем и для кого ты работаешь. Я стараюсь как можно больше «вариться в молодежном соку», чтобы всегда быть в курсе увлечений, проблем, «болезней». Надо осознавать, что музыка, которую молодежь слушает, одежда, которую носит, прически — это всего лишь мода. А мода приходит и уходит — вчера носили длинные волосы, сегодня короткие, завтра опять все будут носить длинные. Прически — это не болезнь, а так, «насморк», надо бороться не против причесок, а за человека. А под болезнью, которая нападает на некоторых молодых, я имею в виду то, что раньше называли словом «мещанство», хотя сам термин, может быть, устарел и уже немоден. Когда тебе шестнадцать лет, ты, конечно, считаешь себя борцом против мещанства. И ребята «протестуют» — ничего не хотят знать, кроме своих поп-групп, кроме распорядка дня своих рок-идолов, когда те едят, когда ложатся спать, когда гуляют. Они ничего не хотят читать, кроме детективов, и главным в жизни для них становится развлечение. А на самом деле это просто новое мещанство, и бороться против этой болезни — наша первая задача. Надо расшевелить ребят, сделать так, чтобы они задумались, как сделать свою жизнь осмысленной и интересной.

С какими только идеями к нам не приходят. Здесь и выставки, и поэтические кафе, и политические дискотеки. Даже с проектами «вечного двигателя» приходят — ну как не поощрять ребят, которые ломают голову над «вечным двигателем» для народного хозяйства? Такое разнообразие идей и привело нас к мысли издавать специальный журнал, журнал идей, который мы так и назвали — «Этлет» — «Идея».

Тоже была с ним целая проблема — как-никак не просто какая-нибудь выставка или концерт — целый журнал. Но в любом деле, я считаю, главное — люди. А здесь энтузиастов было хоть отбавляй. Мы выделили на журнал единовременный кредит в три миллиона форинтов с тем, чтобы через год он уже сам себя окупал. И вот «Этлет» существует уже четвертый год и, надо сказать, стал одним из самых популярных у молодежи.

Иногда ребята приходят просить о таких вещах, которые вполне им самим под силу. Ведь можно приучить человека к подачкам, и он будет сидеть и ждать сложа руки, когда все за него сделают. А ведь наша задача — воспитывать в людях инициативу, жажду деятельности, не делать все за них, а учить решать все жизненные проблемы самим. Сегодня, например, все утро беседовал с ребятами, которые пришли к нам просить деньги на аппаратуру для поп-группы, которую они решили организовать. За помощью они обратились к комсомольской организации своего института, а те послали их к нам. Да какое там беседовал — ругался. Надо было видеть, как они слезно умоляли выделить им несколько десятков тысяч форинтов. Я поехал с ними в их общежитие, в общем, целое собрание получилось. Ребята, сказал я им, деньги нигде, и в комсомоле тоже, из воздуха не берутся, их нужно сначала заработать. Короче говоря, пришли к тому, что они организуют свою комсомольскую бригаду и будут работать на стройке или на уборке урожая в кооперативе. У них даже лица совсем другие были, когда мы прощались, — еще бы, они теперь ведь не просители, а сами себе заработают, сколько нужно.

Во все времена люди всегда задавали себе один и тот же вопрос — зачем человек живет, в чем смысл человеческого существования? Для себя я эту проблему уже давным-давно решил. Человек существует для того, чтобы творить. Я очень люблю мой город, мне кажется, нельзя жить в нем и не писать стихов, не сочинять музыку, не рисовать, не петь. Когда-нибудь мой Будапешт станет городом художников, музыкантов, скульпторов, поэтов, и каждый человек независимо от профессии будет творить. Во всяком случае, я приложу к этому максимум усилий.

Записал М. ШИШКИН

ВЗГЛЯД НА МОДУ:

Оноре де БАЛЬЗАК, французский писатель

Дитер ПЛАТ, прокурор Генеральной прокуратуры ГДР

ТРАКТАТ ОБ ЭЛЕГАНТНОЙ ЖИЗНИ

Оноре де БАЛЬЗАК

Ум человека проявляется
в том, как он держит трость.

Элегантная жизнь в широком смысле слова есть искусство одухотворять досуг.

Элегантная жизнь есть совершенство внешнего убранства жизни; или:

Искусство по-умному тратить деньги; или еще:

Наука, которая учит нас делать все не так, как другие, и при этом казаться похожими на других; а лучше всего, пожалуй, сказать так:

Изящество во всем, что находится в нас и вокруг нас; логичнее же всего было бы сказать вот как:

Элегантность — это благородство, которое человек сообщает вещам.

Любая нация состояла и будет состоять из людей, которые производят, и людей, которые потребляют. Как же выходит, что тот, кто сеет, поливает и собирает урожай, ест меньше всех? Это — тайна, разгадать которую довольно нетрудно, хотя многим людям угодно видеть здесь предназначение свыше.

Человек повсюду видит ярмарочные шесты с призом на верхушке и сокрушается, что взобрался всего на четверть, на треть или на половину их высоты,— важнейшее следствие состоит, само собой разумеется, в том, что это порождает чрезмерное самолюбие и тщеславие. А поскольку тщеславие не что иное, как стремление всякий день наряжаться по-праздничному, люди почувствовали потребность обзавестись знаком своего могущества, который бы оповещал прохожих о том, как высоко забрался его владелец по шесту с призом, до вершины которого добираются одни короли. Вот отчего гербы, ливреи, капюшоны, длинные волосы, красные каблуки, митры, голубятни и флюгера на голубятнях, молитвенные подушечки и собственные часовни, дворянские частицы, орденские ленты, царские венцы, мушки, румя-

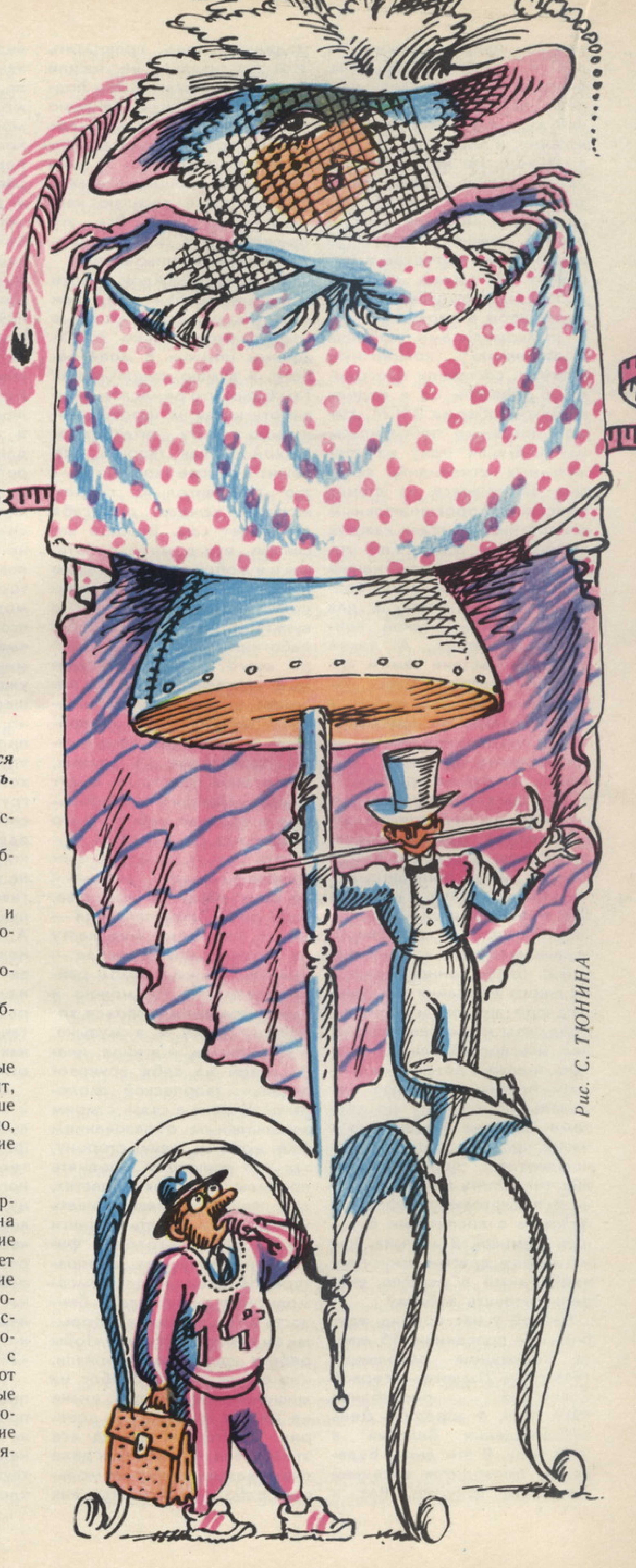

Рис. С. ТЮНИНА

На русском языке публикуется впервые.

на, короны, башмаки с загнутым носком, бархатные шапочки, длинные широкие плащи, беличий мех, пурпур, шпоры и т. д. и т. п. в ту или иную пору становились вещественными обозначениями того, сколько у человека досуга, сколько прихотей он имеет право удовлетворить, сколько судеб, денег, мыслей, трудов может пустить на ветер.

Но внезапно разразилась революция и мощной рукой смела весь этот четырнадцатисотлетний гардероб, оставив на его месте лишь бумажные деньги. Трудящимся людям надоело работать за всех; они вознамерились разделить и тяготы и доходы поровну с беднягами богачами, которые только и умеют, что бездельничать да веселиться!..

Элегантная жизнь есть не что иное, как школа хороших манер.

Чтобы вести элегантную жизнь, мало стать или родиться богатым. Надо обладать чувством элегантности.

Только уяснив до конца, в чем сущность социального прогресса, можно проникнуться чувством элегантности. Разве не является элегантная жизнь выражением новых отношений и нужд, существующих в молодом, но уже возмужавшем обществе? Следовательно, чтобы объяснить всему миру, что такое элегантность, необходимо рассмотреть те причины, которые привели к расцвету элегантной жизни.

До царствования Людовика XV понять, придворный перед тобой или просто дворянин, можно было исключительно по тому, насколько дорогой на человеке камзол, насколько широки раструбы его ботфортов, какие на нем брыжи, сильно ли надушены мускусом волосы и много ли он употребляет новых слов. Каждый роскошествовал на свой лад.

Если перейти от материальной жизни к жизни моральной, то дворянин мог делать долги, шляться по кабакам, не уметь ни писать, ни вести беседу, мог столько, сколько ему заблагорассудится, молоть вздор, он все равно оставался дворянином.

Сегодня дворяне, когда бы — в 1804 или в 1520 году — они ни получили свой титул, уже ничего собой не представляют. Революция была крестовым походом против привилегий, и усилия ее были не совсем тщетны. И все же, несмотря на заметное совершенствование общественного строя в 1789 году [1], злоупотребления, к которым неизбежно приводит имущественное неравенство, возродились в новых формах. Разве взамен смехотворного и изжившего себя феодального строя мы не получили новую аристократию: аристократию денег, власти и таланта, которая, при всей ее законности, не меньше угнетает массу, навязывая ей патрициат банков, деспотию министров и монархию газет или парламентской трибуны? Таким образом, хотя, вернувшись к конституционной монархии [2], французы притворились, будто у них царит политическое равенство, на самом деле наша демократия — демократия богачей. Поэтому и сейчас, в октябре 1830 года, люди по-прежнему делятся на два разряда: на богачей и бедняков, на тех, кто ездит в карете, и тех, кто ходит пешком.

После того как дворянские грамоты перестали быть самым главным в жизни, после того как внебрачный сын банщика-миллионера и талантливый художник получили те же права, что и сын графа, люди обрели возможность давать друг другу истинную цену. Поэтому-то многие люди придают такое большое значение образованию, правильности речи, грации манер, умению непринужденно носить одежду, убранству жилища, наконец, совершенству всего облика человека. Разве наши нравы, наш строй мыслей не накладывают отпечаток на все, что окружает нас и принадлежит нам? На смену прежней поговорке, бывшей в ходу среди придворных, пришло выражение: «Скажи мне, как ты говоришь, ходишь, ешь, одеваешься, и я скажу тебе, кто ты».

Итак, в наше время, чтобы вести элегантную жизнь, мало родиться дворянином и сорвать крупный куш в одной из жизненных лотерей, надо еще обладать тем непостижимым даром (своего рода разумностью чувств), благодаря которому мы окружаем себя вещами поистине прекрасными и добротными, вещами, гармонирующими с нашим обликом и нашей судьбой; обладать тем утонченным чувством меры, которое — при постоянном упражнении его — позволяет постигать отношения между явлениями, предвидеть следствия событий, определять место и значение предметов, слов, идей и людей. Одним словом, основа элегантной жизни — высокая идея гармонии и порядка, призванная одухотворять вещный мир.

Вопрос о том, как относиться к быстро сменяющимся веяниям МОДЫ, приобретает первостепенное значение: ибо «ум человека проявляется в том, как он держит трость». Социальные различия стираются и сходят на нет, но есть сила, создающая новые разграничения; это — общественное мнение: ведь мода всегда была не чем иным, как общественным мнением в области костюма. Поскольку костюм — самый убедительный из символов, революция не обошла и моду. Впрочем, сегодня мода распространяется не только на одежду и внешний вид. Материальная сторона жизни вследствие всеобщего прогресса заметно усовершенствовалась. Всякой нашей потребности посвящена нынче целая энциклопедия, и наша плотская жизнь стала зависеть от широты человеческих познаний. Поэтому, диктуя законы элегантности, мода распространяется на все ремесла. Она — основа дел и изделий. Разве не является она печатью, скрепляющей открытия и изобретения, которые украшают жизнь человека? Разве не является она почетной наградой гения? Приветствуя прогресс, становясь его символом, она предводительствует всем: она производит революцию в музыке, словесности, живописи и архитектуре.

Хотя элегантность не столько искусство, сколько чувство, в основе ее лежит не только инстинкт, но и привычка.

---

[1] *Автор имеет в виду Великую французскую революцию 1789—1794 годов.— Примеч. ред.*

[2] *Плодами июльской революции 1830 года, свергнувшей Бурбонов, воспользовалась верхушка буржуазии, финансовая аристократия, установившая буржуазную монархию Луи Филиппа.— Примеч. ред.*

ВАШЕ МНЕНИЕ?

Не все дети аристократов обладают врожденным чувством элегантности и одухотворяющим жизнь вкусом, и тем не менее нет страны, где аристократия не выделялась бы своими манерами и умением жить! В чем же дело? В воспитании, в привычке. Дети знати с колыбели окружены только прекрасным; их воспитывают элегантные матери, в языке и нравах которых живы лучшие традиции; именно так дети аристократов усваивают начатки нашей науки — ведь надо быть уж совсем бесчувственным, чтобы не поддаться облагораживающему влиянию прекрасной обстановки.

Не все люди одинаково умны, но чувствуют все примерно одинаково; ум — следствие внутреннего совершенства, и придать ему новый характер трудно, внешность же изменить легче; лица у всех людей разные, а ноги в общем похожие. Короче говоря, поскольку элегантность — следствие чувственного восприятия, к ней можно приучить каждого.

Речь, походка, манеры — это непосредственные проявления человеческой личности, которые поэтому полностью подчинены законам элегантности.

Все мы подвластны влиянию костюма. Художник не способен работать в парадном платье. Женщина в пеньюаре и женщина в бальном платье — это, можно сказать, две разные женщины!

Итак, костюм — причина самых радикальных изменений, которые произошли с человеком в обществе; от костюма зависит вся жизнь человека.

Элегантность — это единство.

Единство — это чистота, гармония и относительная простота.

Но простота не должна противоречить гармонии, а гармония — чистоте; иначе не добьешься элегантности, рождающейся из таинственного союза этих трех главных ценностей.

Тот, кто присматривается к безвкусице в одежде, меблировке, речах или манерах, всегда имеет возможность убедиться в том, что безвкусица — следствие более или менее серьезного нарушения этого закона триединства.

Внешняя сторона жизни — стройная система, дающая о человеке такое же верное представление, как раковина — об улитке. Поэтому в мире элегантности все взаимосвязано.

В этом мире один стул дает представление обо всей мебели, а одна шпора — о лошади. Одежда свидетельствует о благородстве и вкусе ее владельца.

Требовательные законы элегантности связуют воедино все составляющие внешней стороны человеческой жизни — поэтому человеку со вкусом, как и художнику, достаточно пустяка, чтобы составить мнение.

Чем более совершенно целое, тем ощутимее в нем любое нарушение гармонии. Только безумец либо гений способен поставить стеариновую свечу в дешевый медный подсвечник.

Прямо с порога видно, умна ли хозяйка дома.

Ваше имущество всегда дает полное представление о вашем благосостоянии и никогда не должно создавать о вас ложное впечатление. Опасность грозит вам с двух сторон: равно плохо выглядеть и скупым богачом, и расточительным бедняком. Будете ли вы слишком тщеславны или слишком скромны, вы в обоих случаях нарушите закон единства, непременным следствием которого является среди прочего счастливое равновесие между вашими возможностями и вашим внешним обликом.

Элегантность состоит в первую очередь в том, чтобы не было видно, за счет чего она создается.

Только тот живет в свое удовольствие, кто живет по средствам — не богаче, но и не беднее, чем ему позволяет его состояние.

Единственно неукоснительное соблюдение этого правила позволяет человеку наслаждаться во всей полноте, вплоть до незначащих мелочей, той свободой, без которой нет изящества.

Убирать под колпак вазу или каминные часы, покрывать диваны чехлами, укутывать в тряпки люстру — не значит ли это уподобляться тем «мудрецам», которые долго и старательно копят деньги, а купив наконец канделябры, тут же прячут их под плотным покрывалом? Человек со вкусом наслаждается всем, что имеет. Он сторонится вещей, которые требуют к себе излишнего почтения. Для человека трудящегося прием гостей — торжество, периодически повторяющееся священнодейство, ради которого он опустошает кладовые, распахивает шкафы и вытаскивает на свет божий бронзовые подсвечники. Но человек элегантный готов принять гостей в любой момент: никакое посещение не может застать его врасплох. Он всегда готов, всегда одинаков. Для него всякий день — праздник.

Глупец, допускающий в свою жизнь хотя бы один-единственный предмет, связанный с более роскошным образом жизни, чем тот, который ведет он сам, хочет выдать себя за того, кем он не является, и тем самым расписывается в собственной беспомощности, которая просто смешна.

Человек элегантный не говорит, как король: наш экипаж, наш дворец, наш замок, наши лошади, но он умеет придать всем своим действиям оттенок королевской щедрости, словно приглашая всех своих сограждан разделить с ним его богатства.

В элегантной жизни нет высших и низших — здесь все равно могущественны.

Элегантность властно требует, чтобы средства были подчинены цели.

Из этого принципа вытекает несколько непосредственных следствий:

Человек со вкусом должен быть скромен в своих запросах.

Всякая вещь должна казаться тем, чем она является.

Слишком дорогие украшения не производят должного впечатления.

Украшения не должны бросаться в глаза.

Пестрота всегда ведет к безвкусице.

Пусть даже сформулированные нами законы просты и нашлись бы знатоки элегантной жизни, которые рассказали бы обо всем этом лучше нас, более логично и связно, мы все-таки выполним свой долг, напомнив новичкам в царстве моды, что хороший вкус проистекает не из знания правил, а из их применения. Человек должен выполнять эти предписания так же непринужденно, как он говорит на родном языке. Тому, кто косноязычен, не место в элегантном обществе. Разве вам не случалось видеть тех горе-модников, которые ни на минуту не прекращают погони за совершенством, которые приходят в ужас от малейшей морщинки на рубашке, трудятся до седьмого пота, чтобы добиться никому не нужной безукоризненности? Почаще вспоминайте, бедные щеголи-недоумки, наш афоризм, и пусть он служит вам вечным укором:

Вымученная элегантность по сравнению с подлинной — все равно что парик по сравнению с волосами.

Следовательно,— и это правило не знает исключений — дендизм [1] — ересь, вкравшаяся в царство элегантности.

В самом деле, дендизм — это подчеркнутое слепое следование моде.

Становясь денди, человек превращает себя в обстановку собственного будуара, в виртуозно выполненный манекен, который умеет ездить верхом и полулежать на кушетке, который покусывает или посасывает набалдашник своей тросточки; но можно ли назвать такого человека мыслящим существом?.. Ни в коем случае! Человек, не видящий в моде ничего, кроме моды, просто глупец. Элегантность не только не исключает ума и познаний, но, напротив, освящает их. Она учит проводить время не только с удовольствием, но и как можно более возвышенно.

---

[1] *То есть оголтелое, безудержное стремление к щегольству. От «денди» — франт, щеголь.— Примеч. ред.*

Вот перед нами неофит[1]: у него красивая карета, он устраивает превосходные приемы, прислуга у него вышколена, кушанья отлично приготовлены, он в курсе всех модных новинок, всех политических сенсаций, всех анекдотов и острот: более того, кое-какие из них он изобретает сам; наконец, дом его — средоточие комфорта. Он является, так сказать, методистом элегантности и ни в чем не отстает от своей эпохи. Он не чересчур угодлив, но его не назовешь и нелюбезным; он никогда не совершит бестактности... Мы можем не продолжать; этот человек — послушник элегантности.

А знаком ли вам тот очаровательный эгоист, который наделен поразительной способностью говорить только о себе, не надоедая собеседнику? В нем все грациозно, свежо, изысканно, даже поэтично. Ему невозможно не завидовать. Он как бы приглашает вас разделить с ним его роскошную и полную удовольствий жизнь, но одновременно тревожится, достаточно ли вы богаты. Его изысканная любезность не более чем дань вежливости. Дружба для него — всего лишь неисчерпаемая тема, которую он всякий раз обыгрывает по-новому, подлаживаясь под собеседника.

Он всегда заботится в первую очередь о себе, но никто не держит на него зла, поскольку он в совершенстве владеет искусством общения: с художниками он художник, со стариками — старик, с детьми — ребенок; он покоряет, но не нравится, ибо лжет нам корысти ради и развлекает нас по расчету. Он дорожит нами и льстит нам от скуки, однако, даже заметив, что нас обвели вокруг пальца, назавтра мы вновь охотно поддаемся обману... Этот человек принял постриг элегантности.

Но существует и еще один тип элегантного человека; он полон обаяния, мелодичный голос придает его речам неотразимую прелесть, он умеет и высказаться и промолчать, он заботится о собеседнике и избирает для разговора лишь самые уместные темы; он всегда удачно подбирает слова; язык его чист, насмешки беззлобны, а замечания необидны. Не вступая в спор с самоуверенным невежеством глупцов, он печется единственно об истине и здравом смысле. Он не пускается в рассуждения и не затевает дискуссий; если ему случается выразить несогласие с собеседником, он всегда умеет вовремя остановиться. У него ровный характер, он неизменно улыбчив и приветлив. В его любезности нет ничего деланного, его услужливость далека от угодливости; он выражает свое почтение так мягко и ненавязчиво, что окружающие этого почти не замечают, однако откланиваются довольные и собой и им. Он наделен неким необъяснимым могуществом, и его обходительность накладывает отпечаток на все, что его окружает: здесь все радует глаз, и всякий чувствует себя у него в гостях как дома. При близком знакомстве этот человек покоряет своим простодушием. Он естествен. Ничто так не чуждо ему, как натужность, блеск, хвастовство; чувства его выражаются просто, потому что они искренни. Его прямота никого не обижает. Он принимает людей такими, какие они есть, прощая им их недостатки и смешные стороны; он сочувствует причудам всех возрастов и ни на что не сердится, потому что его ничто не удивляет. Он утешает не словами, а делом, он нежен и весел — его невозможно не любить. Вы видите в нем образец и преклоняетесь перед ним. Это подвижник элегантности.

Подобное магнетическое воздействие и является великой целью элегантной жизни. Мы все должны стремиться к нему, но добиться успеха крайне трудно, потому что для этого потребна прекрасная душа. Счастливы те, кому она дарована! Как радостно им видеть, что все: и природа, и люди — благоволит к ним!..

Костюм есть выражение общества.

Эта максима так полно воплощает в себе все наши теории, что все дальнейшее явится не чем иным, как более или менее удачным развитием этой мудрой мысли.

[1] *Другими словами, человек, недавно примкнувший к идее, вере, в данном случае — модной жизни, а потому ее особо рьяный и послушный сторонник.— Примеч. ред.*

Ученый муж или светский щеголь, который занялся бы изучением костюма того или иного народа в различные эпохи, написал бы в результате живописнейшую и правдивейшую национальную историю. Разве длинные волосы франков, тонзура монахов, бритые головы сервов[1], пудреные парики и прически а-ля Титус не связаны в нашем представлении с основными этапами нашей истории? Исследовать причины популярности башмаков с острым, загнутым кверху носком, кошельков у пояса, капюшонов, бантов, фижм, перчаток, масок, бархата — значит пуститься в странствие по полю битвы, где цивилизация одержала победу над грубыми нравами, которые занесли в Европу средневековые варвары. Если церковь постоянно отлучала священников, надевавших короткие штаны или панталоны, если парики каноников из Бове целых полвека служили предметом дебатов в парижском парламенте,— значит, эти на первый взгляд пустяковые вещи выражали взгляды и интересы определенных лиц. Возьмите что угодно: обувь, одежду, головные уборы, и вы увидите, какую огромную роль сыграли эти предметы туалета в развитии общества, какая ожесточенная борьба разворачивалась вокруг каждого из них. Нередко обувь свидетельствует о привилегированном положении, нередко капюшон, чепец или шляпа возвещают переворот в обществе, узор или перевязь, желтая лента или орнамент являются эмблемой той или иной политической партии.

Отчего же костюм — самая красноречивая характеристика человека, как не оттого, что он — своего рода иероглиф, выражающий человека сполна, со всеми его каждодневными привычками?

Небрежность в одежде равносильна нравственному самоубийству.

Одежда относится равно к области науки, искусства, привычки и чувства.

В самом деле, кто не согласится, что костюм — результат подлинно научных изысканий?

И разве не всякому ясно, что до тех пор, пока вы не привыкнете к новому костюму, он не будет сидеть на вас по-настоящему элегантно? Что же до сферы чувств, то кто не видел в гостиных ханжей мужского и женского пола, разодетых в пух и прах, сверкающих золотом и брильянтами и больше всего напоминающих японских божков! Отсюда следует мораль, о которой не мешает лишний раз напомнить даже завзятым кокеткам и опытным соблазнителям:

Дело не столько в костюме самом по себе, сколько в умении носить его.

Следовательно, главное не купить материал подороже, а уловить его дух.

Все, что делается напоказ, равно как и всякая шумиха, недостойно человека со вкусом.

Если народ глазеет на вас, значит, вы одеты скверно: слишком хорошо, слишком изысканно либо слишком вычурно.

Следуя этому совету, рядовой пешеход должен стараться быть незаметным. Его цель в том, чтобы казаться одновременно и заурядным и изящным. Свет суров к хлыщам! Они навлекают на себя всеобщие насмешки. Тот, кто одевается чересчур роскошно, впадает, быть может, в еще больший грех, чем тот, кто пренебрегает своим внешним видом; без сомнения, не одна претенциозная кокетка содрогнется, услышав нашу аксиому:

Тот, кто опережает моду, превращается в карикатуру.

Теперь нам осталось развеять одно из самых больших

[1] *Прослойка феодально-зависимого крестьянства, наиболее ограниченного в правах.— Примеч. ред.*

заблуждении, царящее среди людей, не привыкших размышлять и наблюдать; мы произнесем приговор, который, что бы там ни говорили женщины со вкусом и философы гостиных, обжалованию не подлежит:

Одежда как глянец: она все подчеркивает; ее цель — не столько скрыть недостатки фигуры, сколько подчеркнуть ее достоинства.

Отсюда вытекает следующая мораль:

Если костюм скрывает, маскирует, утрирует, идет против велений природы и моды, он заслуживает безоговорочного осуждения.

Следовательно, всякая мода, основанная на лжи, безвкусна и скоротечна.

Тому, кто усвоил эти принципы, выработанные на основе пристальнейших наблюдений, строжайших расчетов и неумолимой логики, ясно, что хотя дурно сложенная, сутулая, горбатая или хромая женщина и не должна хвастаться своими недостатками, ей не пристало и обманывать окружающих, стараясь полностью замаскировать их; поступив так, она будет недостойна называться женщиной. Если вы прихрамываете, делайте это грациозно, как мадемуазель де Лавальер, и старайтесь, чтобы очарование вашего ума и ослепительные богатства вашей души заставляли забыть о хромоте. Когда же наконец женщины поймут, сколько преимуществ таят в себе их недостатки!.. Мужчина или женщина без недостатков — просто ничтожество.

В заключение этих суждений, применимых во всех концах света, приведем еще один афоризм, понятный без комментариев:

Дыра есть несчастье, пятно — порок.

Перевод с французского
В. МИЛЬЧИНОЙ и
О. ГРИНБЕРГ

Подготовка сокращенного
варианта для журнала
С. Кавтарадзе

БЫТЬ ИЛИ КАЗАТЬСЯ?

На вопросы журнала
Центрального Совета Союза
свободной немецкой молодежи
«Нойес лебен»
отвечает прокурор Генеральной
прокуратуры ГДР
Дитер ПЛАТ

— Каждый человек сознательно или бессознательно что-то делает для того, чтобы у окружающих его людей сложилось о нем определенное представление. Каждый, в меру своих возможностей и в соответствии со своим вкусом, определяет то впечатление, которое должно сложиться о нем у других людей. Если внешность и сущность человека совпадают, то тогда все в порядке. А если возникает несоответствие, что происходит тогда?

— Ничего хорошего: нас просто могут неправильно понять. Нередко попадаются люди, которые встречают людей «по одежке», и потому ошибаются. Ошибки, которые возникают в подобных случаях,— ошибки наблюдателя. У кого-то, скажем, длинные волосы, и вот уже о нем говорят: ну просто хиппи! А на самом деле это вежливый парень, на хорошем счету у себя на заводе, да еще и активист ССНМ. Для нас, работников юстиции, такой подход к людям не годится, иначе мы были бы заранее обречены на неправильные выводы.

— Не кажется ли вам, что молодые люди, создавая себе определенный внешний вид, пытаются, так сказать, посылать свои сигналы в окружающий мир?

— Ну разумеется. И в пору моей молодости было так. Два моих друга и я однажды так подстриглись «под ежик», что на нас обращали внимание все взрослые — наверное, мы не соответствовали каким-то их представлениям. И сегодня происходит то же самое. Только реакция взрослых стала не такой строгой, как в мое время. Кроме того, мне кажется, что внешний вид у молодежи выполняет еще одну функцию: давать информацию о себе ровесникам. Я всегда удивляюсь, как быстро теперь молодые люди знакомятся друг с другом. В мое время, к сожалению, было не так. Я думаю, что помогает при этом разнообразие стилей, при котором каждый может делать свой выбор. Например, стиль «диско» имеет множество вариантов. Мне это нравится. А вообще, как взрослому участнику разговора, мне кажется, что проблема «быть и казаться» начинается не здесь.

— А где же?

— В формах общения. Они не должны пугать взрослых. Конечно, я не имею в виду вульгарное поведение, которое производит на меня однозначно отталкивающее впечатление. Мне всегда интересно «разгадывать» человека по его поступкам. Тут-то мы и замечаем, что противоречия между «быть» и «казаться» свойственны не только молодым. Бывает, что и иной взрослый озабочен только материальным достатком, используя его для создания о себе представления, совершенно не соответствующего действительным качествам. Иногда это передается и молодежи. Я сталкиваюсь с этим в ходе судебных заседаний.

— Не ставили ли вы перед собой в молодости какие-нибудь сверхзадачи?

— Ну конечно! Это очень важно — мечтать. Потому что, мечтая, задумываешься об окружающем мире, о жизненных ценностях, даже если на первых порах эти цели могут быть или излишне детскими, или излишне общими. Я, например, мечтал быстро ездить на автомобилях. И еще мечтал стать бортинженером. Или борцом за справедливость. На мой взгляд, такие мечтания «про себя» не имеют ничего общего с противоречием между «быть» и «казаться». Проблемы начинаются, к примеру, тогда, когда ученик с завода, выдавая себя за ведущего инженера с высокой зарплатой и демонстрируя соответствующие, по его мнению, этому образу манеры, тратит за один вечер на дорогие сигареты и угощение для друзей треть своей ученической зарплаты. А сам при этом и работать как следует еще не научился.

Для осуществления своей мечты нужно много работать. Кто ничего не делает и прикрывается при этом ложью внешнего вида и соответствующего поведения, неизбежно попадает в конфликтные ситуации. Стремление сохранить ложный облик разрушающе действует на личность и дорого ей обходится. Можно себе представить, куда это может привести, иногда и к прокурору.

— Но не всегда хвастун становится преступником или подвергает себя опасным поворотам в жизни...

— Да кто же станет утверждать такое! Некоторые, оставаясь всю жизнь хвастунами, получают своеобразное удовольствие от этого. Но следует заметить, что хвастун без публики всего лишь одинокий самообманщик.

— Не слишком ли категорично мы подходим к проблеме «быть» и «казаться»?

— Да, тут нужен тонкий подход. Бывает, что люди, глядя на обвиняемого, который ведет себя агрессивно и вызывающе, приходят к выводу, что он ни в чем не раскаивается. А на самом деле он испытывает чувство стыда и раскаяния, но не находит в себе сил в этом признаться. Бывает, что грубый, озлобленный и истеричный человек при более близком знакомстве с ним оказывается общительным, надежным и честным. Вот вам и ошибка наблюдателя, вызвавшегося судить о человеке по первому впечатлению.

Перевела с немецкого
С. КАВТАРАДЗЕ

«ТУТСИ»

Гарри СМИТ,
американский
журналист

Дастину Хоффману повезло: он снялся в фильмах, которые стали очень популярны, например «Крамер против Крамера», «Тутси». И все потому, что повезло самим фильмам: в них снялся Дастин Хоффман.

На стадионе в Майами последние минуты затишья перед бурей, которая разразится с выходом боксеров на ринг. Диктор патетически объявляет, что на соревнованиях присутствует когда-то многократный чемпион мира в трех весовых категориях Генри Армстронг. Седовласый мужчина с трудом переваливается через канаты и раскланивается, стоя на ринге. Жиденькие аплодисменты. И вдруг:

— Браво, Генри, браво! — кричит что есть силы мужчина в черной курточке, прожженной на спине.

Тому, кто считает, что кинозвезды неземные существа, окруженные телохранителями, некие манекены парижских мод, не угадать в этом темпераментном болельщике знаменитого киноактера Дастина Хоффмана.

— Им наплевать на Армстронга,— возмущается Хоффман.— Человек, живая легенда, вышел, быть может, в последний раз на ринг, который был в его жизни всем!.. А какое теперь кому дело до Чарли Чаплина!.. Когда я умру, появится несколько некрологов — и баста?.. Что спортсмен, что актер...

В этом году у Хоффмана на примерке сразу три сценария. Согласившись на съемки, он, как правило, садится вместе со своей давней знакомой, сценаристкой Миррой Шизгал, и перекраивает роль, а заодно и весь остальной текст по своему усмотрению.

Режиссер Сидней Поллак, работавший с Хоффманом, жалуется:

— Он хочет и написать роль, и сыграть ее, и отрежиссировать, и музыку написать, и фильм смонтировать, и даже руководить рекламой ленты. Ужасный тип. Правда, у него получается и первое, и второе, и десятое.

— Хоффман творил черт знает что, лишь бы настоять на своем,— рассказывает другой режиссер, Роберт Бентон.— И как я ни злился во время съемок фильма «Крамер против Крамера», всякий раз выходило, что он предлагал ходы и решения более остроумные, чем уже придуманные. Дастин получил Оскара за исполнение главной роли, но его доля есть и во всех остальных Оскарах, которые завоевал мой фильм.

Дастин Хоффман родился в Лос-Анджелесе. Его отец мечтал стать голливудским продюсером. Даже работал недолго на одной из студий. Но жизнь закончил перекупщиком мебели. Мать мечтала о карьере танцовщицы — родители запретили ей этот «дьявольский соблазн». Пока Дастин подрастал, семья шесть раз перебиралась из города в город в поисках своего места под солнцем.

Рональд, старший брат Дастина, лучший игрок школьных бейсбольных команд, относился равнодушно к брату-коротышке, щуплому, прыщавому, с железкой во рту для правильного роста зубов. Дастин помнит, как однажды в детстве он сидел несколько часов в одиночестве и гляделся в хромированный тостер. «Дасти, Дасти»,— приговаривал он, стараясь найти связь между собой внутренним и внешним, стараясь ощутить отражение как свое истинное лицо... С другими было только две возможности контакта: смех и гримасничанье. Когда отец сердился на мальчика, тот часто рассеивал бурю тем, что точно копировал выражения отцовского лица. В школе он приглашал танцевать самую толстую и некрасивую девочку, а потом исподтишка в танце передразнивал ее на потеху товарищам. Это было безопаснее, чем получить «фи» от красавицы. Одноклассники прозвали его Мышонком — за черные глазки, крупный нос, низкий рост. И обиду он переводил в шутку — рисовал себя Микки Маусом с гигантскими бицепсами.

Первые актерские пробы, первые попытки выйти на более глубокие контакты с окружающими. Он поступает в музыкальную актерскую школу в Лос-Анджелесе, но его тянет подальше от родительских глаз, в которых он боялся увидеть упрек в случае неудачи. Нью-Йорк, работа официантом, санитаром, продавцом игрушек и, наконец, учеба в драматической студии.

— Жить было негде,— вспоминает Хоффман,— спал прямо на сцене — на раскладушке. За учебу платил тем, что убирал ту же студию. Однокурсницей была Барбара Стрейзанд. Она приходила с раскладушкой, ночевала у подруг, подрабатывала нянькой. Такие годы учат разбираться в жизни. Мой приятель, теперь знаменитый актер, клянется, что научился играть в юности — у семьи постоянно не было денег, чтобы заплатить за квартиру, и его посылали задобрить хозяина. От его искусства зависела судьба семьи. И ничего — даже газ и свет ни разу не отключали.

После окончания студии Хоффман известен в театриках вокруг Бродвея как безотказный актер, который берется за любую пустяковую роль и делает из нее конфетку. Он пробует себя во всех жанрах. Отчаянное трудолюбие, одержимость и талант замечают. Потом спектакли на Бродвее — оглушительный успех. Съемки в кино.

Теперь у него за плечами два десятка фильмов. Мог бы сниматься еще чаще, но он упрямо отстаивал свое право играть только в первосортных картинах. Всемирный успех ему принесли фильмы «Большой маленький человек», «Полночный ковбой», «Вся президентская рать», «Крамер против Крамера».

Чтобы увидеть, что за человек Хоффман, следует прогуляться с ним по улицам Манхаттена, где он живет.

Зимой, какая бы ни была погода, через каждые двести метров он говорит: «Какой чудесный день!» Жизнь может быть то веселая, то невыносимая, но она всегда прекрасна благодаря самому факту существования — вот что нам пытается сказать Хоффман.

Дастин во время прогулки рассказывает, не умолкая, про планы, сюжеты, роли, работает как фабрика идей. Вроде бы он полностью увлечен ритмом ходьбы и своим рассказом, как вдруг перебивает себя: гляди, какое деревище! Или: обрати внимание, какой интересный прищур у того мужчины!

А потом в новом фильме видишь тот самый прищур и даже «деревище» похожее.

Конечно, наблюдательность для актера только полдела. Надо уметь реализовать подмеченное. Хоффману это часто удается. Он играет без тени искусственности, жизненно верно и до того естественно, что его фильмы кажутся снятыми скрытой камерой.

— Э-эх, какие воздушные шарики — эти верхушки дуба! — вскрикивает Дастин, вытягивая голову из высокого воротника кофты.— Нет там веревочки — я бы притащил их домой Джейку.

Джейк — его крохотный сынишка.

— Нам дано немного лет на творчество,— говорит Хоффман.— Надо «оттанцевать» свое как можно лучше и, как фигуристу, уложиться в заданное время. С годами четче понимаешь, что важное, что второстепенное. Чем насыщеннее моя жизнь, тем меньше времени я трачу на споры и стычки самолюбий. Энергию надо вкладывать в работу, а не в постороннее.

**Перевел с английского
В. ЗАДОРОЖНЫЙ**

1967 год. Сантьяго. Виктор выступает на первомайском митинге.

ВИКТОР
ПРЕРВАННАЯ ПЕСНЯ

Джоан ХАРА

Старшая сестра Виктора, Мария, умерла от рака, и Виктор практически утратил связи с семьей — лишь изредка виделся с другой сестрой, Кокой, да ездил к дальним родственникам — крестьянам в Эль-Монте. Но мы постоянно встречались с его друзьями из квартала Ногалес. Они обзаводились семьями, рождались дети, и мы традиционно становились крестными. Проблемы, которые стояли перед жителями квартала Ногалес,— безработица или мизерный заработок, болезни, угроза остаться без крыши над головой,— все напоминало нам о необходимости перестройки чилийского общества. Но мы и не нуждались в напоминаниях.

Виктор писал о нищете, о том, как она разъедает человеческие отношения, о том, что нищета способна разрушить даже любовь между родителями и детьми: песни о «глубоком море горя». Такой была первая написанная им колыбельная — и это была колыбельная не для Аманды и Мануэлы...

Река Мапочо, на берегах которой стоит Сантьяго, начинает свой бег в горах и вливается в море. Ее мутные воды несутся по каменному ложу, влекут за собой грязь и мусор. Весной, когда тают снега, она разливается грязным потоком, летом высыхает и превращается в ручеек. Под мостами живут тогда дети, им от шести до двенадцати лет, но у них взрослые лица. Особенно много их под мостом у центрального рынка: торговцы сваливают здесь гнилые фрукты и прочие съестные отбросы. По ночам дети спят, тесно прижавшись друг к другу, и их охраняют бродячие псы...

Луна отражается в воде,
бегущей через город.
Под мостом спит ребенок,
и ему снится, что он летает.

Но город упрятал его
в клетку с толстыми прутьями,
ребенок растет, превращается во взрослого,
но так и не знает, что такое игра.

Сколько вас, бездомных?
Когда есть деньги,
легко быть любимым.
И как горьки дни без любви.

Наши друзья из квартала Ногалес голосовали на выборах за Альенде. Но тогда, в начале шестидесятых, лишь немногие из них были действительно политически активными: казалось, обитатели трущоб воспринимали выпавшие на их долю страдания как должное. Те, кто был поактивнее — они были и лучше устроены в жизни,— в большинстве своем поддерживали христианских демократов. Многие жены рабочих тоже надеялись, что христианские демократы смогут чем-то улучшить жизнь, потому что они были «хорошими» людьми, «верили в бога». Христианские демократы организовывали в кварталах бедноты «Советы соседей» и «Материнские центры». Возможно, я смотрела на эти дела слишком предвзято, но, по-моему, ни к чему было этим женщинам учиться делать хорошенькие абажурчики и мягкие игрушки, чтобы получить приз из рук самой супруги мэра, в то время как их дети просили подаяния на улицах...

Виктор ужасно злился и убеждал жен своих друзей: «Вы не нуждаетесь в благотворительности! Вы имеете полное право на нормальную жизнь, на врача, на образование для ваших детей. На кой черт вам абажуры, если у вас даже нет для них потолка?»

В нашей жизни появилось нечто новое — «ситронетта», маленький открытый автомобиль, и теперь мы всей семьей могли выезжать за пределы Сантьяго. Как-то мы отправились к озеру Ланалуэ, в провинции Арауко. Там мы подру-

---

Продолжение. Начало см. в № 3—6 за 1984 год.

жились с местной парой, у них был «джип», и они предложили нам проехаться до дальнего индейского селения. Вдруг среди холмов мы увидели маленькую деревянную хижину. Проехать к ней было невозможно, и мы пошли пешком. Виктор нес на плечах Аманду. Выскочила собака. Виктор очень боялся незнакомых собак, в детстве его искусал пес, и он на мгновение запаниковал, но тут на пороге хижины появилась маленькая, очень прямая женщина с длинными черными волосами. На ней было темно-синее домотканое платье, сколотое на груди металлической брошью, ее лицо с высокими скулами — на вид ей было лет сорок — излучало покой и достоинство. Она поздоровалась с нами и протянула Аманде маленькое сморщенное яблочко.

Я думаю, даже Виктор несколько растерялся — так необычно выглядела эта женщина. Она предложила показать нам окрестности. Как оказалось, она жила одна с сыном, мальчиком чуть старше Аманды, и сама возделывала клочок земли, ходила за курами, овцами и свиньями. Виктор спросил, сама ли она пряла шерсть и ткала материю себе на платье. Она улыбнулась и пригласила нас в хижину. Мы зашли, внутри было темно, но женщина — ее звали Анхелита Уэнуман — открыла ставни, и луч солнца упал на старый деревянный ткацкий станок, на котором было натянуто не оконченное еще одеяло: оно брызнуло пурпурным, ярко-зеленым, желтым, и все помещение, казалось, засветилось радугой этих потрясающих красок. У меня даже перехватило дыхание. Я спросила, сколько времени уходит на одно такое одеяло. Анхелита ответила, что занимается этим только зимой, когда кончаются заботы по уборке урожая: только тогда она может прясть, красить шерсть и ткать. Когда одеяло окончено, она отправляется через горы в город и продает его на рынке. Виктор сказал, что заплатит за это одеяло сколько она попросит, пусть, когда закончит, перешлет его нам в Сантьяго...

Мы ушли, а она еще долго стояла на пороге и смотрела нам вслед. Она помахала нам на прощанье рукой — одинокая маленькая фигурка в безбрежном пространстве. Виктор несколько дней просидел на берегу, глядел в воды озера Ланалуэ: он писал новую песню. Песню для Анхелиты.

В долине Покуно,
взъерошенной ветрами с моря,
где мох пропитан дождями,
живет Анхелита Уэнуман.

Живут с ней пять собак
и сын, память о прежней любви,
и мир вокруг нее так же прост,
как ее маленькая хижина.

В жилах ее течет
алый сок цветов копиуэ,
Анхелита сидит у окна
и без устали ткет свою жизнь.

Ее руки пляшут средь нитей,
как крылья птички-личужки,
она может выткать чудо-цветок,
да такой, что вы чувствуете, как он пахнет.

Анхелита, в тканях твоих
сплелись время, слезы, и пот,
и руки неизвестных
сограждан моих.

И после долгой работы
великолепное одеяло ищет своего покупателя
и, словно птичка в клетке,
поет и просит: «Заплати побольше».

Здесь, среди дубов и тростника,
среди ореховых лесов да утесника,
в аромате диких фуксий
живет Анхелита Уэнуман.

Анхелита выполнила обещание и отослала нам одеяло. Это было весной. А много лет спустя Виктор встретил и саму Анхелиту — на митинге, который организовали женщины. Только тогда Анхелита узнала, что Виктор написал для нее песню. Она была счастлива... Это произошло в 1972 году.

Середина шестидесятых

Для сторонников левых сил это было неважное время. Большая часть рабочего класса, в особенности женщины, голосовали за Эдуардо Фрея: во время своей предвыборной кампании он обещал решить жилищную проблему, обуздать инфляцию, провести экономическую и аграрную реформы. Он также обещал «чилинизацию» медных рудников, что на практике обернулось уплатой миллионов долларов американским горнорудным компаниям. Американское правительство поддерживало Фрея: его обещания были чем-то вроде отводного канала для революционных настроений масс. А для многих обыкновенных людей он казался реальной альтернативой правой олигархии.

Но вскоре стало ясно, что все обещания «лучшей жизни рабочему люду» — пустая риторика. Реформы увязли в действиях правой оппозиции, а в 1965 году Фрей убедительно продемонстрировал, чьим интересам он служит: посланная им полиция расстреляла в северном селении Эль-Сальвадор бастовавших шахтеров и их жен.

Мой словарь чисто чилийских понятий пополнился термином «момио», что в переводе значит «мумия». Для меня этот термин ассоциировался с персонажем из поставленной Виктором пьесы Рауля Руиса: престарелый землевладелец, которого катает в инвалидной коляске столь же дряхлый слуга. Он без конца брюзжит и пялится в зал сквозь бинокль, как будто обозревает свои бесконечные земли: это был символ одряхлевшей, но все еще упорно цеплявшейся за свои богатства и привилегии олигархии; словом «момио» стали называть реакционеров.

Все чаще Виктор пел о своей любви к угнетенным, и все громче в его песнях звучала вера в то, что с несправедливостью будет покончено. Когда журналист спросил его, почему он столько времени отдает песням, возможно, даже в ущерб непосредственной режиссерской работе, Виктор ответил:

«Меня все больше и больше волнует то, что я вижу вокруг: нищета в моей родной стране, во всей Латинской Америке и других странах мира. Я собственными глазами видел в Варшаве памятник жертвам фашизма, я видел, как боятся люди атомной бомбы, я видел, что принесла и еще может принести людям война... Но я также видел, что может дать людям любовь, что может им дать настоящая свобода, насколько силен действительно счастливый человек. И потому мне так нужны струны и дерево моей гитары — чтобы дать выход печали и счастью, стихам, что могут ранить сердце и открыть его, строкам, которые помогают нам оторваться от самосозерцания и взглянуть на мир новыми глазами».

В 1964 году, незадолго до рождения Аманды, я решила уйти из труппы Национального балета: слава его росла, он все чаще гастролировал по странам Латинской Америки, предстояли длительные гастроли в США, а я хотела больше времени отдавать своей семье. К тому же в руководстве труппы все большую силу набирали «момио». Они вынудили уйти в отставку Эрнста Утхоффа, Патрисио, и я поняла, что в таком коллективе мне тоже больше нечего делать.

Мой старый друг Альфонсо уговорил меня организовать вместе с ним любительскую танцевальную труппу при Доме культуры «Ньюньоа»,— предложение привлекало меня еще и потому, что Виктор уже вел там фольклорную группу. Спустя два года передо мной встал еще один выбор: между преподаванием в профессиональной балетной студии и работой с любителями. Я выбрала последнее, потому что атмосфера в балетной школе стала совсем невыносимой. Это был серьезный шаг: решиться отказаться от твердого месячного заработка и видов на пенсию. Но мы с Виктором обсудили ситуацию, и он поддержал меня: как-нибудь проживем. Финансовые вопросы никогда не были для нас решающими.

Конечно, я бы не смогла так много работать, если бы не Моника: она помогала мне по дому. Почти все женщины из буржуазных семей добились «эмансипации» за счет других, менее удачливых и обеспеченных женщин, которые выполняли за них всю «женскую работу»: чистили, готовили, мыли посуду, шили и даже воспитывали их детей, в то время как хозяйки ходили на работу. И часто эти домашние помощницы были, по существу, рабынями: они целиком зависели от милостей своей госпожи, получали мизерную плату, почти не имели своего личного времени и ютились в каморках.

Моника, красивая девушка из большой крестьянской семьи, появилась у нас сразу же после рождения Аманды. Большинство служанок были неграмотными или полуграмотными, но Моника кончила школу, и мы все время говорили ей, что надо учиться дальше. Она выбрала курсы парикмахеров. И хотя она закончила их и получила профессию, она все же решила остаться с нами. У нее была дочка, Карола. Карола воспитывалась вместе с нашими девочками, ходила вместе с ними в школу. И я не чувствовала себя виноватой, принимая помощь Моники,— она всегда могла покинуть нас, но предпочитала жить с нами, и мы давали ей максимальную свободу. Но сейчас, оглядываясь назад, я думаю, что то, что она не хотела от нас уходить,— это все же симптом больного общества: Моника чувствовала не столько финансовую, сколько психологическую зависимость от нас.

С самого начала «Пенья де лос Парра» на улице Кармен, 340, стала местом встреч левонастроенной интеллигенции. Большинство молодых людей носили бороды: в знак солидарности с кубинской революцией, и «Пенью» называли «гнездом марксистов». Но хотя здесь и собирались певцы, в большинстве своем вышедшие из рабочих и крестьянских семей, «Пенья» все же была мало связана с внешним миром, с рабочим движением: это был несколько элитарный мир, что-то вроде песенной лаборатории. Но эта лаборатория была необходима певцам: здесь росло и крепло песенное движение, которое питали истинно народные традиции.

Виолета Парра вернулась из Европы, когда это детище ее детей уже окрепло и процветало. И она решила создать свой собственный культурный центр. На окраине Сантьяго она установила цирковой шатер и устроила в нем нечто вроде постоянной выставки произведений народного искусства, здесь же выступали народные певцы. Но шатер ее был слишком большим, неуютным, ему не хватало интимности «Пеньи». И даже имени и репутации Виолеты было недостаточно, чтобы собрать туда больше народу. В 1966 году она выпустила свою последнюю пластинку «Спасибо жизни».

Виктор говорил: «Пока Виолета была жива, никто из нас не называл ее «народной артисткой». Мы даже критиковали ее. Но ее признавал народ, тот народ, среди которого она жила: крестьяне, шахтеры, рыбаки, ремесленники, настоящий народ Анд, жители севера и жители южного острова Чилоэ. Она жила с ними, среди них, она была их плотью и кровью. И только поэтому могла Виолета создать песни, которые навсегда вошли в историю нашей страны и дали жизнь другим песням».

«Пенья» была лишь первой искрой: подобные клубы стали образовываться повсюду. Некоторые были вполне солидными, другие возникали и исчезали мгновенно. Виктора часто приглашали в разные «пеньи», и он не мог отказаться. Я ужасно злилась: иногда он выступал в нескольких клубах за вечер.

Однажды — это было зимой 1966 года — Виктор выступил в Вальпараисо. Спев свои песни, он, подняв гитару над головой, начал пробираться между столиками к выходу, и тут его окликнули. Он узнал своих знакомых — они часто ходили в «Пенью де лос Парра»: Эдуардо Карраско, его брат Хулио и их друг Хулио Нумхаузер. Эти бородатые молодые люди недавно организовали свой собственный ансамбль и назвали его довольно необычно — «Килапаюн». На языке индейцев мапуче это значило «три бороды». Здесь, в Вальпараисо, они отмечали свой первый успех — победу на фестивале самодеятельных певцов.

Они пригласили Виктора выступить в «пенье» Технического университета, Виктор согласился, они сидели и болтали почти до утра, и вдруг Эдуардо спросил, не согласится ли Виктор стать их художественным руководителем. Виктор задумался: он был очень занят, но в конце концов ответил утвердительно. «Я думаю, его привлекла атмосфера, царившая в группе: наше дружелюбие и откровенность,— вспоминал потом Эдуардо,— потому что в музыкальном отношении мы, конечно, были еще очень слабы».

Никто из них не был профессиональным музыкантом — Эдуардо, например, изучал философию,— но тем не менее они решили развивать музыкальные традиции «Пеньи де лос Парра» и играть только на традиционных народных инструментах. Виктор и Анхель убеждали их, что слово «Килапаюн» мало подходит для названия — «его никто не выговорит»,— но время показало, что они были не правы.

Виктор работал с «Килапаюном» до 1969 года. Они начали репетировать в Доме культуры «Ньюньоа» вечерами, после того, как Виктор отпускал свою фольклорную группу. Усаживались возле парафиновой печки в холодном зале (в том самом, где я по утрам вела танцевальный класс). Первое, с чего пришлось начать Виктору,— это научить их серьезно работать: они любили похихикать, все время отвлекались, перебрасывались шуточками, и Виктор объявил даже специальные перерывы — на шуточки. Он работал с ними не только как музыкант, но и как театральный режиссер, помогал им войти в образ их песен. Они прекрасно смотрелись на сцене: мужественные бородатые лица, костюмы — они выступали в черных пончо, сильные голоса. Их молодость и решительный вид казались олицетворением духа времени.

Через год от прежнего состава остался только Эдуардо. Появились новые участники: Карлос Квезада, по профессии дизайнер, у него был прекрасный тенор; Патрисио Кастильо — довольно радикально настроенный юноша, он был великолепным музыкантом; Эрнан Гомес, тихий, спокойный человек, он был виртуозом игры на чаранге; Вилли Оддо, прирожденный комик, был солистом, и, наконец, Родольфо Парада. Таким образом, «килапаюнов» стало шестеро, но три бороды были непременным атрибутом группы, хоть и кочевали с лица на лицо.

Во время скитаний по «пеньям» Виктор познакомился с группой «Инти-Иллимани», ее создали пятеро студентов Технического университета. Специализировались они на музыке центрального плато Латинской Америки и на каникулах ездили «за песнями». В вокальном отношении они были несколько слабее «Килапаюна», зато как инструменталисты добились многого — именно они сделали такими популярными звуки куэны и чаранги.

Но в то время Виктор был все же ближе к «Килапаюну». Часто вся группа собиралась у нас дома. Они вываливались из машин, нагруженные мясом, вином, музыкальными инструментами. Главными поварами были Вилли и Карлос — они мариновали мясо, готовили салаты из кинзы и перца чили; а потом ребята устраивали «мачитун» — шуточное жертвоприношение древним индейским богам. Отправлялись в процессию вокруг нашего садика, барабаны гремели, дудки свистели, соседи ругались. Выходили на улицу, за ними с безумным лаем мчались собаки, и сбегалась вся окрестная ребятня. Что и говорить, Мануэла и Аманда обожали веселых «бородачей» — еще бы, их «дядям» завидовали все соседские дети.

Они были молоды, веселы и любили шокировать «хорошо воспитанную публику». И если по отдельности каждый из них бывал скромен и даже застенчив, то, собравшись вместе, удержу они не знали. Коллективными усилиями они нажили себе немало врагов.

В те дни приглашения еще не сыпались на них как из рога изобилия, и нет ничего удивительного, что Виктор был поражен, когда получил письмо на шикарной бумаге с грифом, в котором его и «Килапаюн» приглашали выступить на «Фестивале латиноамериканской песни города Виктории» — это был небольшой городок на юге. Как было сказано в письме, «фестиваль финансируется городским советом» — явление в те дни необычное, и Виктор сразу проникся к этому предложению доверием. «Килапаюн» от-

казался от заранее намеченного выступления в Вальдивии — устроители того концерта рвали на себе волосы и клялись, что ноги «Килапаюна» в их городе больше не будет (как ни странно, клятву свою они сдержали).

Пришло второе письмо: «Возникли некоторые денежные затруднения, не согласятся ли артисты сами оплатить проезд?» Энтузиазм Виктора несколько поутих, тем не менее они погрузились в поезд и отправились в долгое путешествие на юг. Когда спустя четырнадцать часов поезд прибыл на станцию Виктория, оказалось, на перроне их отнюдь не ждала пышная делегация встречающих. Они выгрузились на пустынную деревянную платформу и стояли, не зная, что делать дальше. Вдруг появился какой-то маленький мальчик. «Виктор Хара? — спросил он вежливо.— Спасибо за то, что вы откликнулись на наше приглашение. Я ученик 4-го «Б» класса, организатора «Фестиваля латиноамериканской песни». Пожалуйста, следуйте за мной».

Это еще было только начало. «Фестиваль» проходил в зале местной католической школы, и сестры-монахини отвечали за усилительную аппаратуру. Когда «Килапаюн» запел песню Виолеты Парра «Что скажет святой отец», монашки были настолько шокированы, что просто отключили микрофоны.

В конце «Фестиваля» всех участников — на это предложение соблазнились и другие певцы и группы — погрузили в машины и отправили на станцию. Ночь была холодной и дождливой, устроители спешили домой и, когда артисты выгрузились на платформу, сразу уехали. И тут выяснилось, что поезд придет только через шесть часов. Надо сказать, что в тот момент Виктора вряд ли можно было считать самым популярным в Чили человеком.

Театральные работы Виктора получали все большее признание. Британский совет по культурным связям пригласил его посетить Англию и посмотреть работы театральных коллективов. И вот в конце января 1968 года я оставила девочек на попечение Патрисио, Альфонсо и Моники, и мы отправились в Лондон.

Я не была здесь уже десять лет, и было так странно чувствовать себя иностранной туристкой, я даже с трудом привыкала к английской речи. Виктор был в Англии впервые, и он хотел как можно лучше узнать страну «Битлз».

Для нас это было что-то вроде свадебного путешествия. Мы бродили, взявшись за руки, по Лондону и чувствовали себя невероятными провинциалами: мы таращили глаза, мы открывали рты. Это действительно было шоком: очутиться в самом центре «общества потребления» после нашей такой далекой и такой бедной страны.

После месяца походов в театр и прогулок по местам, которые я помнила с детства, наш совместный отдых подошел к концу. Мне пора было возвращаться к работе. Я очень беспокоилась о том, что происходит дома. И хотя мы получали только самые радужные известия о девочках, меня начали по ночам мучить кошмары, и непонятно, почему в этих кошмарах стало появляться слово «диабет».

Как же хорошо было вернуться в Сантьяго, домой... Кругом цветы — в доме, в нашем садике, и какие прекрасные горы! И больше я уже никогда по своей охоте не уезжала от девочек.

Виктор оставался в Англии еще три месяца. Он посещал репетиции в самых разных театрах: в «Уортинг репертори компани», «Ричмонд», «Артс лэборатори», в Королевском шекспировском театре в Стрэтфорде-на-Эйвоне, побывал на занятиях в театральных студиях.

Виктор писал мне о том впечатлении, которое производила на него сама атмосфера Великобритании: «Я иногда думаю, что жить в стране, где средства массовой информации вываливают на тебя столько поданных «беспристрастно» новостей, гораздо труднее, чем, например, в нашей стране, где информации практически нет никакой... По крайней мере, мы не так подавлены бессмысленностью существования. Иначе я не могу объяснить себе, почему здешние молодые люди пытаются убежать от себя при помощи наркотиков, почему здесь так часты самоубийства — самим фактором смерти молодые пытаются доказать себе и другим, что они жили. Они видят, как ужасно и бессмысленно существование: убийство Мартина Лютера Кинга и безутешно рыдающая его вдова, бомбы, падающие на Вьетнам, кораблекрушения, премьера нового фильма Тони Ричардсона, цвет губной помады, который будет моден на этой неделе, новые бисквиты для собачки. И если вы не отреагируете мгновенно, вы чувствуете, что безнадежно отстали. Кажется, что здесь никто не может позволить себе роскоши быть самим собой. Все боятся одиночества, и потому бесконечно одиноки в толпе... Конечно, в нашей стране много недостатков — начать с того, что мы находимся в руках США,— но в Чили, по крайней мере, хлеб — это хлеб и земля — это земля, в Чили люди живут обыкновенной, естественной жизнью. Надеюсь, что они никогда не «цивилизуют» нас. Я предпочитаю, чтобы наша страна оставалась такой, какая есть,— неотесанной, открытой всем ветрам и дикой».

В Чили началась забастовка почтовых работников, и я перестала получать письма. И в это время я обнаружила, что Аманда больна, что у нее диабет. Я говорю «я обнаружила», потому что все симптомы были классическими, и именно я предложила врачу сделать Аманде анализы. В Чили считалось, что эта болезнь встречается у детей редко — Аманде было тогда три с половиной года, но потом я узнала, что многие дети в бедных семьях даже умирали от нее — просто родители не знали, чем больны их дети, ведь врачебная помощь была почти недоступна.

Мои ночные кошмары стали действительностью. Я была в ужасе, мне казалось, что счастье Аманды и счастье всей семьи уже невозможно. Слава богу, это оказалось не так, но в те первые дни я была в трансе. Я училась делать уколы инсулина и все думала, как же сообщить об этом горе Виктору.

Как только кончилась забастовка, я отправила в Стрэдфорд-на-Эйвоне письмо. Боже, чего оно мне стоило! Именно там Виктор написал песню, которая стала потом одной из самых известных. Эта песня, «Помню тебя, Аманда» [1], не была прямым откликом на известие о болезни дочери — это была песня о том, что значит для человека семья, о любви, это были воспоминания о прошлом, взгляд в будущее. Люди часто спрашивали, была ли то песня о матери Виктора или о его дочери. Нет, но в ней была улыбка его матери и взгляд ребенка.

Я помню, как ты, Аманда,
бежала по мокрым улицам
к фабрике,
где работал Мануэль.
Капли дождя блестели в твоих волосах,
и улыбка твоя была светла:
ты не обращала внимания ни на что —
ведь ты должна была сейчас встретиться с ним.

Только пять минут,
вся твоя жизнь — только эти пять минут.
И снова загудела сирена,
и ему надо возвращаться на работу.
Но ты шла, и освещала собою
все вокруг —
эти пять минут
превратили тебя в цветок.

А потом он ушел сражаться в горы.
Он, который не мог обидеть и мухи,
но для того, чтобы уничтожить все это,
хватило и пяти минут.
И снова загудела сирена,
и пора возвращаться на работу.
Многие не пришли назад...
И среди них Мануэль.

Сокращенный перевод с английского
Н. РУДНИЦКОЙ

Продолжение следует

[1] *Эта песня (под заголовком «Аманда и Мануэль») была опубликована в «Ровеснике» № 1 за 1974 год в переводе С. Гончаренко.— Примеч. ред.*

ИКАР КАК ПЕДАГОГ. Человек построил крылья и научился летать как птица, даже лучше. Руди Киссхейзи, научный сотрудник орнитологического питомника в Эльзасе, пошел дальше и своему искусству учит птиц. Беркут Бризи была еще яйцом, когда ее, сиротку, ученые нашли в покинутом гнезде. Потом Бризи проклюнулась и со временем подросла. Именно Руди Киссхейзи преподал ей первые уроки полетов, подбрасывая с земли и разных возвышенностей. Теперь Руди на дельтаплане приучает подросшую Бризи (2,20 от крыла до крыла — чем не акселератка!) садиться в полете на руку. Трюк весьма опасный — если Бризи неудачно заденет дельтаплан, ее учителю не поможет все его искусство.

ШЕВЕЛИСЬ, РОБОТ! Не сообщается, сколько времени потребовалось студентам университета штата Пенсильвания, чтобы собрать робот. Сообщается зато, что робот этот собирает кубик Рубика за шесть с половиной минут. На первый взгляд это кажется странным: получается, что человеку собрать робот — пара пустяков, а вот роботу кубик — это действительно работа. Должно быть, это потому, что в 80-х годах человек уже перестал удивляться самому факту создания роботов. Наверное, его больше удивляет тот факт, что люди кое в чем пока что куда проворнее: чемпионы собирают кубик меньше чем за полминуты. Не сдает позиций человек, которого, по устаревшим слухам, создал всевышний!

ТРАМВАЙ «ЭХ, НАУЧУ!». В Милане каждое утро специальный трамвай ожидает школьников. Не для того, чтобы доставить их в школу и не для того, чтобы отвезти на экскурсию. Трамвай сам — переоборудованная школа, а двухчасовой урок на колесах — сплошная экскурсия. Конечно, возможности у трамвая не беспредельны, но не так уж и малы: разным классам здесь дают разные уроки — от правил уличного движения для малышей до городского планирования и организации общественного транспорта для ребят постарше. От уроков о природе в городе до уроков по истории, в частности по теме «Милан времен Римской империи». Трамвай не простаивает, наоборот, образовалась целая очередь из классов разных школ и групп продленного дня.

ИТАЛИЙСКИЕ ИГРЫ. 1. Четыре года назад в Италии абсолютно для всех неожиданно разразился скандал вокруг футбольного тотализатора. Не то было неожиданно, что, как выяснилось, многие матчи были «договорными», а некоторые тренеры, футболисты и судьи нечисты на руку,— это и раньше подозревали; а то было неожиданно, что многие участники футбольных афер угодили на скамью подсудимых, а некоторые даже в тюрьму. Итак, прошло четыре года, и в Италии... снова пишут о близящемся футбольном скандале. При этом утверждают, что прежняя игра вокруг игры — что-то вроде невинной забавы с фантами, любительщина и кустарщина по сравнению с теперешней отлаженной системой «черной лотереи». Сотни «жучков», как пчелы нектар, собирают повсюду ставки и передают их в центральный «банк». Кто-то выигрывает, кто-то проигрывает, но все это пустяки по сравнению с кушем подпольных «банкиров», ставящих сразу на несколько результатов. Точнее говоря, заранее знающих эти результаты. Наверняка они знают и главный результат — проигрыш самого футбола. Но что им до футбола — они играют в другую игру...

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПЕНСИОНЕРА-007. Глубокие морщины, плешь, непобедимый уже в его возрасте живот, густо нафабренные брови. Былого суперагента-007, героя многих кинобоевиков, поначалу можно узнать лишь по прежней манере улыбаться, спуская курок. Последний раз Джеймса Бонда, несгибаемого борца против «коммунистических козней», видели 13 лет назад в фильме «Никогда больше». И вот теперь — «Никогда не говори «никогда больше». Вот уж для кого вновь задувшие в мире ветры «холодной войны» оказались животворны: рука, как прежде, тянется под мышку, а дуло пистолета — навстречу очередной «коммунистической» жертве. Кто там говорил «никогда больше»?

Один высокопоставленный критик, суммируя после фильма впечатления, сказал: «Бонд — это символ свободного мира. В прошлом было много мужчин как он, которые свою жизнь посвящали борьбе за правое дело». Вы, может быть, догадались, что гостю «с холода» обрадовался президент Соединенных Штатов Америки.

ПЛЮС СЕРДЦЕ-КОМПЬЮТЕР. Это 153 круга по треку, это 104 «велошага» и 180 ударов пульса в каждую минуту — вот что из себя представляет новый мировой рекорд скорости в часовой гонке на велосипеде. Прежний — 49 километров 432 метра — принадлежал бельгийцу Эдди Мерксу. Понадобилось одиннадцать с половиной лет и велосипед особой конструкции — аэродинамическая форма, чечевицеобразные колеса разного диаметра, прежде чем новый рекордсмен итальянец Франческо Мозер смог промчаться за тот же час 51 километр 151 метр. И еще понадобилась особая подготовка, точно рассчитанное, оптимальное соответствие между усилиями спортсмена и скоростью, которую он способен «держать» на дистанции. Отправной точкой в этих расчетах стала частота сердечной деятельности; в минуту, определили ученые, сердце гонщика должно перекачивать в его мускулы шесть литров кислорода. После заезда, еще не отдышавшись, Мозер сказал, что ему удалось отбросить достижения всех прежних гонщиков «куда-то в средневековье». Тут Мозер явно сбился с ритма: ему и самому должно быть ясно, что пройдет не так уж много времени и новый рекордсмен отбросит в это самое «средневековье» его результат.

ИТАЛИЙСКИЕ ИГРЫ. 2. Компания «Интернешнл тим» выбросила в продажу новую занятную игру. Играют в нее так: с одной стороны игрок-«государство», с другой — четыре «семьи», то есть четыре сицилийские банды мафии. У каждого свои фишки: у «государства» — это пешки-полицейские, пешки-префекты и пешки — тайные агенты. У каждой мафиозной «семьи» свои пешки-людишки. Правилами предусмотрены междоусобные войны между «семьями», утечка информации государственной важности, приобретение «своего человека» в полиции (при этом можно посмотреть карты «государства»), визит наемного убийцы из Лас-Вегаса, покровительство мафии в правительственных верхах и прочие неожиданности. «Интернешнл тим» правил не выдумывала, они установлены десятилетиями «игры» между мафией и итальянским государством, в которой, однако, кровь и смерть вполне настоящие. Ничуть не нарушая этих правил и не уводя, так сказать, от жизни, компания предлагает просто развлечься.

КРУГ ЗАМКНУЛСЯ! Первое применение синтезатора как клавишного инструмента зафиксировано в 1969 году при записи пластинки «Битлз» «Эбби роуд». Теперь один человек, освоивший синтезатор, с успехом может имитировать звучание целого симфонического оркестра и даже голосов. Некоторые суетливые сторонники прогресса поставили даже вопрос ребром: пора отказаться вообще от устаревших инструментов. И вот неожиданный удар по «электронщикам»: вокальная группа «Флаинг пикетс» записала песню «Только ты», популярную прежде в исполнении синтезаторного дуэта «Язу». На этот раз партии синтезаторов заменены красивыми, чистыми голосами. В Великобритании песня мгновенно поднялась до первого места в хит-парадах, доказав, что хорошее пение всегда в цене, даже в эпоху электронного прогресса.

ОБЫЧНЫЙ БИЗНЕС

Приключенческая повесть

Дж. ФИЛЛИПС,
американский писатель

Рис. И. АЙДАРОВА

Коттер коротко рассказал обо всем, что произошло, и о своих предположениях.

— В настоящий момент,— заключил Коттер,— я считаю, что убийство не носит чисто политический характер.

— Почему? — спросила Гвен.

— Сумасшедшая девица, убивающая по какой-то малопонятной причине. «Перестань отравлять мир!» Это, возможно, действительно ее мотив, но кто-то заставил ее действовать. Ведь, логически рассуждая, Мак Креншоу боролся с политической коррупцией, а не способствовал ей.

— Может быть, она просто хотела кого-то убить? — предположил Билл. Он стоял у окна, глядя на далекую рощицу.— Убийство ради убийства. Чтобы привлечь к себе внимание.

— Я с этим не согласен,— возразил Коттер.— Убийство Мака планировалось заранее. Иначе зачем обыскивать его офис? Или квартиру Магги? Зачем следить за ней? А убийство моего человека, Кристи, который, должно быть, на что-то наткнулся? И зачем убивать Остина, связанного с молодежными группами, откуда могла выйти эта девушка? Дело не в том, что вашему брату не повезло, Билл. Его приговорили к смерти. И следили за ним, выбирая подходящий момент.

— Но почему? — спросила Гвен, подавшись вперед.

— Когда мы ответим на этот вопрос, миссис Креншоу, мы сможем назвать и имя преступника,— сказал Коттер.— Магги и я приехали сюда еще и потому, что Мак, возможно, хранил здесь свои архивы.

— Это так,— ответил Билл.— Они в картонных коробках в бывшей конюшне.

— Кто-то может попытаться добраться до них.

— Мы позаботимся, чтобы этого не случилось,— заверил его Билл.— Впрочем, я не думаю, что там есть важные сведения. Давно закрытые дела. У специального прокурора наверняка есть дубликаты, не так ли, Магги?

— Все материалы по судебным процессам у мистера Ларкина,— ответила она.— Мак сохранял у себя в основном личную корреспонденцию, свои записи. Я не представляю, кому это может понадобиться.

Коттер взглянул на сенатора Фаррадея.

— Может быть, что-то связанное с предвыборной кампанией, сенатор? Нет ли у вас горячего материала на кого-то из кандидатов?

— Мы не пользуемся такими методами,— ответил Фаррадей.

— Я не утверждаю, что вы ими пользуетесь, но, возможно, у вас есть подобная информация?

— Мне ничего не известно. И не думаю, чтобы Мак в таком деле действовал бы самостоятельно. Мы бы предварительно обсудили, как поступать с информацией подобного рода.

— Билл? — спросил Коттер.

— Он не говорил мне ничего особенного.

— Миссис Креншоу?

В первый момент Коттеру показалось, что она не слышит. Затем большие фиолетовые глаза повернулись в его сторону.

— Мак, бывало, говорил, что хороший юрист, как и хороший спортсмен, никогда не приносит мяч домой. Я узнавала обо всем, как и вы, по телевидению. Я знаю, что некоторые из политических деятелей разоблачены и осуждены на длительные сроки. Я знаю, что Мак однажды занимался делом одного из главарей мафии. Но то, что знаю я и те, кто смотрел эти передачи, лишь вода, перелившаяся через гребень плотины. Новые имена, доказательства виновности других людей? Мак никогда ничего мне не рассказывал до того, как начинался репортаж из зала заседаний...

В этот момент дверь в кабинет распахнулась и они увидели перед собой Росса Креншоу.

Коттер никогда не видел Старика так близко. Возможно, тот действительно был в шоковом состоянии, как утверждал Билл, но все в комнате прямо-таки завибрировало от напряжения. Коттер уже испытывал нечто подобное в присутствии одного или двух известных политиков, нескольких знаменитых киноактеров: стоило им появиться, все остальное отступало на задний план. Креншоу, даже потрясенный трагедией, по-прежнему остается королем, подумал Коттер.

— Что здесь происходит, черт подери! — рявкнул Старик.

Фаррадей, бывший боевой генерал, сенатор Соединенных Штатов, казалось, уменьшился в размерах. Он начал путано объяснять, кто такой Коттер и как он сюда попал.

— Я знаю, кто такой мистер Коттер и чем он занимается,— оборвал сенатора Креншоу.

Начало см. в № 5 и 6.

— Несколько дней назад я попросил его помочь найти того, кто стоит за убийством Мака, кто использовал эту психически неуравновешенную девушку...

— А теперь попроси его бросить эту затею! Полиция, ФБР и мои люди уже занимаются этим делом. Они будут только мешать друг другу.

— Боюсь, я слишком глубоко увяз, мистер Креншоу,— вмешался Коттер.— В связи с этим делом убили одного из моих сотрудников.

— Это дело полиции,— буркнул Креншоу.

— Только не для меня,— ответил Коттер.

— Коттер, я прошу вас держаться подальше. Я требую, чтобы вы держались подальше. — Старик повернулся к Магги: — Раз уж вы здесь, мисс Брэнсон, я попрошу вас остаться. Полагаю, вы знакомы с Джорджем Захари?

Магги кивнула.

— Захари возглавляет службу безопасности «Крен-Ам»,— пояснил Креншоу.— Он занимается расследованием убийства, и я не хочу, чтобы ему мешали. Возможно, есть вещи, которые Мак обсуждал с вами, мисс Брэнсон. И если Захари задаст правильные вопросы, вы сможете вспомнить много полезного.

Магги взглянула на Коттера. Никто, похоже, не желал становиться на пути Росса Креншоу.

— ФБР позволило привезти сюда мисс Брэнсон с условием, что я немедленно доставлю ее обратно в Вашингтон,— сказал Коттер.

— Я поговорю с ФБР о том, чтобы она задержалась здесь,— возразил Креншоу. Он, конечно, имел возможность убеждать президентов, королей, государственные бюро.

— Ее присутствие необходимо для меня,— отрезал Коттер.— Мисс Брэнсон нужна для проведения расследования.

— Здесь она нужнее.— Тон Креншоу не допускал возражений.

Коттер повернулся к Магги:

— Думаю, нам пора идти.

— Вы же понимаете, Коттер, что, если я скажу хоть одно слово, вы никуда не сможете уехать,— бросил Старик.

Детектив улыбнулся.

— Ваша армия, мистер Креншоу? Маловероятно, чтобы вы использовали ее в присутствии сенатора Соединенных Штатов.

— Если ты рассчитываешь на мою дальнейшую поддержку, Левис, уволь этого человека!

— Сенатор не может уволить меня,— вмешался Коттер, прежде чем Фаррадей успел раскрыть рот.— Он не платил мне денег. Я сам себе хозяин.— Он взял Магги под руку и повел к двери.

Лицо Старика казалось высеченным из гранита.

— Вы что же, думаете, что можете вести со мной войну, Коттер? Я обещаю, что вы об этом пожалеете.

Глава 2

Магги села на переднее сиденье «мерседеса» и прижалась к Коттеру. Он почувствовал, что она дрожит. Отъехав от дома Креншоу, Коттер повернул на дорогу, ведущую к Вашингтону.

— Он не простит тебе, Дэвид,— сказала Магги.

— Семья Рэда Кристи не простила бы мне, если бы я отступил. И я никогда не простил бы себе, если бы выпустил тебя из поля зрения и с тобой что-нибудь случилось.

— Уж у Креншоу мне наверняка не грозила бы опасность!

— Никогда не употребляй слово «наверняка», дорогая. Я не говорю, что Креншоу сознательно причинят тебе вред. Но они могут тебя использовать, и им совершенно безразлично, что потом с тобой станет. Возможно, что ты, Магги,— ключ к разгадке, хотя и сама не подозреваешь об этом.

Коттер взглянул в зеркало. Он думал увидеть преследующий их автомобиль с людьми Креншоу, но не заметил ничего подозрительного.

— А что ты знаешь о Джордже Захари?

— Только то, что говорил о нем Мак. Однажды Захари пришел в офис, и после его ухода Мак сказал: «Ты поверишь, что «Крен-Ам» имеет армию и этот человек — ее генерал?» Мак добавил, что Захари — бывший агент ЦРУ и его работа в основном связана с Ближним Востоком, где «Крен-Ам» добывает нефть. «Большие монополии, особенно транснациональные, вроде «Крен-Ам», содержат военную и шпионскую службы, по численности и эффективности сравнимые с соответствующими организациями довольно крупных государств,— рассказывал Мак.— Они могут сбрасывать правительства, покупать секреты и обеспечивать «Крен-Ам» то, что она хочет». Я спросила Мака, насколько законны их методы. Он пожал плечами и ответил, что другие корпорации и государства делают то же самое: «Силу ломают силой».

Одну или две мили они проехали молча. На горизонте показались окраины Вашингтона.

— Что мы будем делать, Дэвид?

— Встретимся с Тедом Гартом. Надо узнать, что он выяснил об Остине. А затем исчезнем.

Тед Гарт и другой агент ФБР, Уэсли Мосс, приехали в отель Коттера. Трое мужчин и Магги сидели в гриль-баре.

— Артур Остин выходил на Бюро через меня,— начал Уэсли.— К тому, что говорил Тед, я могу добавить следующее. Остин занимался молодежной группой, называющей себя «Армия Скэтбека». Скэтбек Хьюз — бывший футболист. Негр. Играл за один из крупных университетов юго-запада и еще пару лет за профессионалов. Отличный полусредний. Возможно, один из лучших за всю историю футбола. Но во время войны во Вьетнаме он завязал со спортом и собрал вокруг себя маленькую группу людей, белых и негров, мужчин и женщин. Они участвовали в марше на Вашингтон, устроили черт знает что в Майами, когда там проходил съезд республиканцев. Мы не могли выдвинуть против него серьезные обвинения, потому что Скэтбек — противник насилия. Сторонник доктрины Мартина Лютера Кинга о ненасильственном сопротивлении. Директор ФБР очень хотел разделаться со Скэтбеком. Он пытался обвинить его в аморальном поведении, потому что Хьюз всюду ездил с белой девушкой. Но мы так и не добрались до него, хотя и делали все, что могли. Этим и занимался Остин. Директор решил, что если эта девушка попадет в опасное положение, то Скэтбек потеряет присущее ему хладнокровие и совершит какой-то акт насилия. Остин готовил им ловушку. Он говорил мне о том, что намечается какая-то заварушка в Брунсвилле, во время праймериз.

— А девушка Скэтбека? Не могла ли она убить Мака?

Мосс покачал головой:

— Нет. Патти Прентис жива. Она, Скэтбек и его группа сейчас в Брунсвилле, где-то в горах. Они были там и в день убийства Мака. Какая-то чокнутая старая леди отдала им свою ферму, где они и живут.

— Вы их подозреваете?

— Нет,— ответил Мосс.— Старая леди и еще двое мужчин, работавших неподалеку, клялись, что в то время, когда застрелили Мака, они все находились на ферме. Хочется нам этого или нет, но Скэтбек — убежденный противник политических убийств. Его люди непричастны к этому делу.

— Они могли убить Остина, обнаружив, что тот агент ФБР.

— Таково общее мнение, но я с ним не согласен.

— Не пропала ли из группы Скэтбека одна из девушек?

— Они в этом не признаются. Остин мог бы сказать, будь он еще жив. Но если у Арта и был список группы Скэтбека, то мы его не нашли.

— Тогда, может, не стоит тратить на них время?

— Одна из целей Скэтбека — борьба против крупнейших корпораций. Они пикетировали офисы нефтяных гигантов. Я не думаю... я знаю, что Скэтбек не станет планировать насилие, но кто-то из его людей, горя фанатичной страстью борьбы за идею, мог бы действовать самостоятельно. Для этой чокнутой Мак мог олицетворять «Крен-Ам».

— Но ты говоришь, Скэтбек и его люди отрицают, что кто-то из них пропал. Ведь девушка, застрелившая Мака, убита.

— Я не думаю, что они признаются, даже если кто-то из них и пропал. Иначе полиция, агенты ФБР и служба безопасности «Крен-Ам» набросятся на них как стая волков.

— Ты упорно говоришь о Скэтбеке, но продолжаешь уверять, что эта ниточка никуда не ведет.

— Все эти несогласные с нынешним положением вещей — моя работа. Я отличаю истинных от поддельных, террористов от идеалистов. Скэтбек Хьюз — стопроцентный идеалист. Но в его мире необходимо знать все о тех, кто живет рядом. Он не поможет полиции, ФБР и службе безопасности. Он скроет от них любую информацию. Государственные учреждения — его смертельные враги. Но он может помочь тем, кто попал в беду, например, тебе и Магги.

Коттер безрадостно рассмеялся.

— Мисс Брэнсон, секретарше Мака Креншоу, коронованного принца «Крен-Ам», и Дэвиду Коттеру, влезшему в эту кашу через сенатора Фаррадея, кандидата Росса Креншоу на пост президента Соединенных Штатов! Вряд ли Скэтбек поможет нам.

— Я сказал Уэсли,— вмешался Гарт,— что ты хочешь лишь выяснить, кто убил Рэда Кристи, и удостовериться, что Магги не бросят волкам после того, как кто-то воспользуется тем, что ей известно.

Мосс наклонился вперед. Он выглядел очень усталым.

— В этом мире кто-то всегда использует порядочных людей, вроде тебя и мисс Брэнсон, в своих интересах. Вы как солдаты в армии. Просто рядовые, которых всегда можно заменить. Именно такой порядок и ненавидит Скэтбек. Поэтому он придет вам на помощь. Только не говори, что это мои слова. Я — враг.

— Я должен сообщить тебе то, что узнаю от Хьюза?

— Я ни о чем не прошу,— ответил Мосс.— Видишь ли, Коттер, я был знаком с Рэдом Кристи. Я знаю его жену и двух маленьких детей. Его выгнали из полиции, потому что он якобы грубо обошелся с арестованным, а тебе известно, кем был этот арестованный? Это был некий Захари, телохранитель Росса Креншоу. Тот шепнул кому следует, и Рэда вышвырнули на улицу.

— Захари в городе,— медленно сказал Коттер.

— Я знаю,— ответил Мосс.— Не говори, что ты собираешься делать. По долгу службы я не смогу сохранить это в тайне.

Сразу после встречи с агентами ФБР Дэвид и Магги отправились в офис Коттера. Двадцать четыре часа, данные Лестеру Оуэну, издателю «Кэпител курьер», истекли, и Коттера ждало сообщение: Оуэн просил позвонить. Звонил в офис и Джек Мерфи, старый репортер. Секретарша Коттера записала следующее: «Напал на запах перезревшего лимбургского сыра. Найди меня в «Хантерс лодж». Секретарша спросила:

— Куда вы собрались ехать?

— В Брунсвилл. Но если кто-то спросит, где я, вы не имеете ни малейшего представления.

— Как я найду вас?

— Я сам позвоню из Брунсвилла.

— А если нет? — ровным голосом спросила секретарша.

— Через пару дней дайте знать об этом сенатору Фаррадею. Вполне возможно, что кто-то наблюдает за офисом. И они будут знать, что мисс Брэнсон приходила сюда. Опять же, если спросят, скажите, что она здесь была, но вы не знаете, куда она отправилась дальше и каковы ее планы.

Из офиса Коттер и Магги сразу поехали в гараж. Там он переложил вещи Магги в ярко-красный «феррари». Свой чемодан со всем необходимым Коттер держал в багажнике постоянно.

Около трех часов утра они уже въехали на главную улицу Брунсвилла. Коттер надеялся, что «Хантерс лодж» еще открыт и его приятель Мерфи сидит в баре, но оказалось, что уже слишком поздно. «Феррари» медленно ехал по улице, а Магги оглядывалась в поисках гостиницы. Похолодало.

Неожиданно сзади сверкнули фары, и Коттер, взглянув в зеркало, увидел, что за ними едет полицейская машина. Он остановился. Подошедший патрульный попросил предъявить права.

— В чем дело? — спросил Коттер.

— Мы теперь интересуемся всеми приезжими,— ответил тот.— Поздновато вы прибыли, мистер Коттер.— Он вернул права и, наклонившись, посмотрел на Магги.

— Мы ищем, где бы остановиться на ночь,— сказал Коттер.— А если вас беспокоит мое появление, думаю, что капитан Шейн замолвит за меня словечко.

— Да, я вас узнал. Вы разговаривали с капитаном Шейном в полицейском участке, не так ли? Примерно в миле отсюда есть неплохой мотель. Поезжайте за мной, я покажу дорогу.

— Ты зарегистрируешься как миссис Хартман, моя секретарша,— сказал Коттер, сев в машину.— Кто-то, возможно, ищет Маргарет Брэнсон.

Мотель «Гейтвей» ничем не отличался от десятков других придорожных гостиниц. В главном здании размещались ресторан и административная часть, а путешественникам для ночлега предлагалась дюжина небольших бунгало. Патрульный позвонил, и через некоторое время заспанная женщина в махровом халате и меховых шлепанцах открыла дверь. Увидев полицейскую форму, она облегченно вздохнула.

— Что-нибудь случилось, Пит? — спросила женщина.

— Постояльцы для вас, миссис Рамсей. Друзья капитана Шейна.

— Им придется расписаться в книге.

Коттер написал свое имя и адрес.

— Миссис Хартман, моя секретарша,— сказал он, передавая книгу Магги. Та довольно уверенно написала: «Джулия Хартман».

— Бунгало «Джи» и «Кей»,— сказала миссис Рамсей.

Коттер поставил «феррари» на стоянку около бунгало «Джи». Патрульный помог ему перенести вещи. Миссис Хартман выбрала «Джи», Коттеру досталось «Кей». Поблагодарив патрульного, Коттер спросил, как того зовут.

— Пит Стемковски. Я скажу капитану Шейну, что вы в городе.

Здесь произошло убийство и кровь обагрила снег, но прошло несколько дней, и трагедия перестала быть восьмым чудом света. Жизнь вновь вошла в свою колею.

Но за внешним спокойствием скрывалась напряженность. Чуть позже девяти утра Лестер Оуэн, владелец и издатель «Кэпител курьер», прошел в свой кабинет. Запах типографской краски и мерная работа прессов подняли ему настроение: здесь он чувствовал себя как дома. По пути он приветствовал нескольких сотрудников. Те облегченно вздыхали: если Лестер Оуэн начинал день с «доброго утра», значит, сегодня не ожидалось никаких скандалов. Но вот Оуэн вошел в кабинет, и его хорошее настроение мгновенно испарилось: у окна стоял Коттер.

— Я слышал, что вы вернулись,— буркнул Оуэн.— Я заглянул в полицию, и Шейн сказал, что вы здесь.

— Вы звонили мне в Вашингтон.— Коттер перешел к делу.

— Звонил, потому что ничего не нашел за отпущенные мне двадцать четыре часа. И искать было нечего. Полиция тоже ничего не выяснила. Они привели этих психов из коммуны в горах. Но те клянутся, что никогда не видели эту девушку.

— Вы говорите о Скэтбеке Хьюзе?

— А о ком же еще? Черный мерзавец! Зарабатывал полмиллиона долларов в год, играя в футбол, а затем начал рычать на страну, которая сделала это возможным. На месте Шейна я бы их всех засадил в тюрьму и тряс до тех пор, пока кто-то из них не сломается. Наверняка они знают, откуда взялась эта девица. ФБР подозревает, что они убили агента, занимавшегося их группой, но у них пока нет доказательств. А стоит прижать какого-нибудь паршивого негра, как борцы за гражданские права натравят на тебя всю страну.

— В Вашингтоне не верят, что Хьюз и его люди могут принять участие в какой-либо насильственной акции. А что касается мотивов, то есть человек, который в день убийства

испытал огромную радость. Бывший сенатор, Мартин Клиари. Мак Креншоу доказал, что он взяточник. Это ли не повод для убийства?

Оуэн покраснел от ярости.

— Гнусная выдумка! — рявкнул он.— Клиари начал расследовать деятельность империи Креншоу, и с ним свели счеты.

— А кто-нибудь спросил Клиари, знает ли он эту девушку?

— Ради бога, Коттер, мне это надоело. Пусть подруга Эллы Марстон опубликует письмо. Фред Марстон все равно меня поддержит. Я не позволю командовать собой как мальчишкой.

— Это ваши похороны,— вздохнул Коттер. Возможно, он надавил слишком сильно. Он направился к выходу, но в этот момент в кабинет ворвался какой-то юноша.

— Извините, что помешал,— сказал он,— но я подумал, что вы должны знать.

— Что именно, Райли?

— О парне, работавшем здесь раньше. Джеке Мерфи. Он остановился в «Хантерс лодж». Кто-то пошел разбудить его полчаса назад и обнаружил, что тот избит до полусмерти. Его увезли в больницу, и врачи не уверены, что он выкарабкается.

Оуэну удалось взять себя в руки.

— Он пьяница, но отличный репортер, Райли. Мы ему поможем. Газета предложит награду за поимку преступника. Продолжай заниматься этим делом.

Оуэн взглянул на ошеломленного Коттера.

— Что-то не везет вашим друзьям, а, Коттер?

«Хантерс лодж» не отель, а лишь ресторан с баром. Но на втором этаже были три или четыре спальни. Если Уоррен Хантер хорошо знал посетителя и тот крепко перебрал в баре, он оставлял гостя ночевать наверху, чтобы тот не расшибся в лепешку по дороге домой. У Джека Мерфи все еще продолжался период запоя, и Хантер по старой дружбе каждый вечер отводил его в спальню, ставя рядом с кроватью бутылку виски. А утром будил старого репортера. В то утро Хантер поднялся наверх и обнаружил, что Мерфи жестоко избит.

Расследованием руководил капитан Шейн. Он был вне себя от ярости из-за того, что случилось с безобидным бедолагой.

— Кто-нибудь ночевал здесь? — спросил Шейн у Хантера.

— Нет,— ответил тот.— Кроме Томми Кармайкла и меня. У Томми комната в другом крыле, над кухней. Но я видел Мерфи живым и здоровым уже после того, как Томми спустился вниз и занялся обычными делами.

Томми помогал Хантеру во всем: мыл посуду, чинил краны и стулья, разгружал машины, выносил мусор.

— Значит, ты видел Мерфи до того, как его избили?

— Да, около шести часов утра. После убийства Мака Креншоу Мерфи был не в себе. Во время выстрела он стоял рядом и решил, что на него попали брызги крови. Все пять дней старался оттереть пятна на одежде.— Хантер пожал плечами.— Он мой старый друг. И я подумал, что для него будет лучше напиться здесь, у меня на виду... А вчера вечером Мерфи изменил своим привычкам. Вдруг заявил: «Возможно, ты обалдеешь, но я хочу поесть». Меня это действительно удивило, потому что он никогда не ест во время запоя. «Уоррен,— сказал он,— я стараюсь изо всех сил снова стать человеком. Завтрашний день, возможно, будет самым важным в моей жизни. Мне необходимо быть в хорошей форме. Но на случай, если я не смогу удержаться, я хочу взять наверх бутылку виски, хотя и буду молиться о том, чтобы устоять перед искушением. И будь добр, разбуди меня около девяти утра...» Я всегда встаю примерно в шесть, чтобы проследить за утренней работой. Надо помыть посуду, кофеварку, убрать помещение. Этим занимаются Томми и миссис Хамнер, соседка. Перед тем как спуститься вниз, я заглянул к Мерфи, чтобы узнать, как тот справился с искушением. К моему полному удивлению, на столике стояла полная бутылка виски, а Мерфи спал как младенец.

— А дальше?

— Я спустился вниз. Приготовил завтрак для Томми и миссис Хамнер. Потом мы три часа занимались обычными делами. Все время на виду друг у друга. Я взглянул на часы, было уже девять. И вспомнил, что обещал разбудить Мерфи.

— Он не говорил, чем ему так важен этот день?

— Нет. Лишь загадочно улыбался.

— Итак, ты поднялся наверх, чтобы разбудить его, и увидел Мерфи в том виде, в каком его нашли врачи?

Хантер кивнул.

— Мне нужны подробности, Уоррен.

— Я понимаю,— ответил тот. Он достал сигарету и закурил.— Со времен войны я помню запах крови. Такой тяжелый сладковатый запах, если ее много. Как в комнате Мерфи.

— Он, наверное, сопротивлялся,— предположил Шейн.

— Совсем наоборот. В комнате все было в полном порядке, даже бутылка виски осталась стоять на столике. Я подошел поближе. Разбитое лицо, сломанная челюсть, выбитые зубы. Похоже, кто-то подкрался к Мерфи, пока тот спал, и ударил его по голове куском трубы, или ломом, или еще чем-то тяжелым.

— Но ты не нашел эту железку?

— Нет. Я решил, что Мерфи мертв, но вспомнил, чему нас учили в армии. Приложив руку к его шее, я почувствовал пульс. Тогда я позвонил в больницу и полицию.

— А теперь мы подходим к важной части, Уоррен.

— Я понимаю. Кто это сделал? Как он мог проскользнуть не замеченным мной, Томми и миссис Хамнер? Разве мы бы не услышали посторонние звуки? И как он выбрался обратно?

— Точно,— согласился Шейн.

— Когда мы закрывались вчера, здесь никого не было.

— Ты можешь вспомнить, кто был здесь до закрытия?

— Я постараюсь, но можно спросить и у других.

— Но ведь никто не мог спрятаться после закрытия бара и добраться до Мерфи, когда вы заснули, не так ли?

— Зачем тогда он ждал, пока мы проснемся? Помните, Мерфи спокойно спал в шесть утра. Этот человек мог бы сделать все ночью и без всяких помех убраться восвояси.

— А мог он зайти после того, как вы встали?

— Я подумал об этом,— ответил Хантер.— Утром надо выносить много мусора. Этим занимается Томми. Он открывает дверь, выносит мешки с мусором на улицу и кладет их в контейнеры. Открыв дверь, он считает, что нет смысла закрывать ее до вечера.

— Значит, человек мог войти через черный ход, пока вы работали в зале, подняться на второй этаж, избить Мерфи и тем же путем уйти обратно?

— Возможно.

Продолжение следует

Сокращенный перевод с английского
В. ВЕБЕРА

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефон 285-89-78.

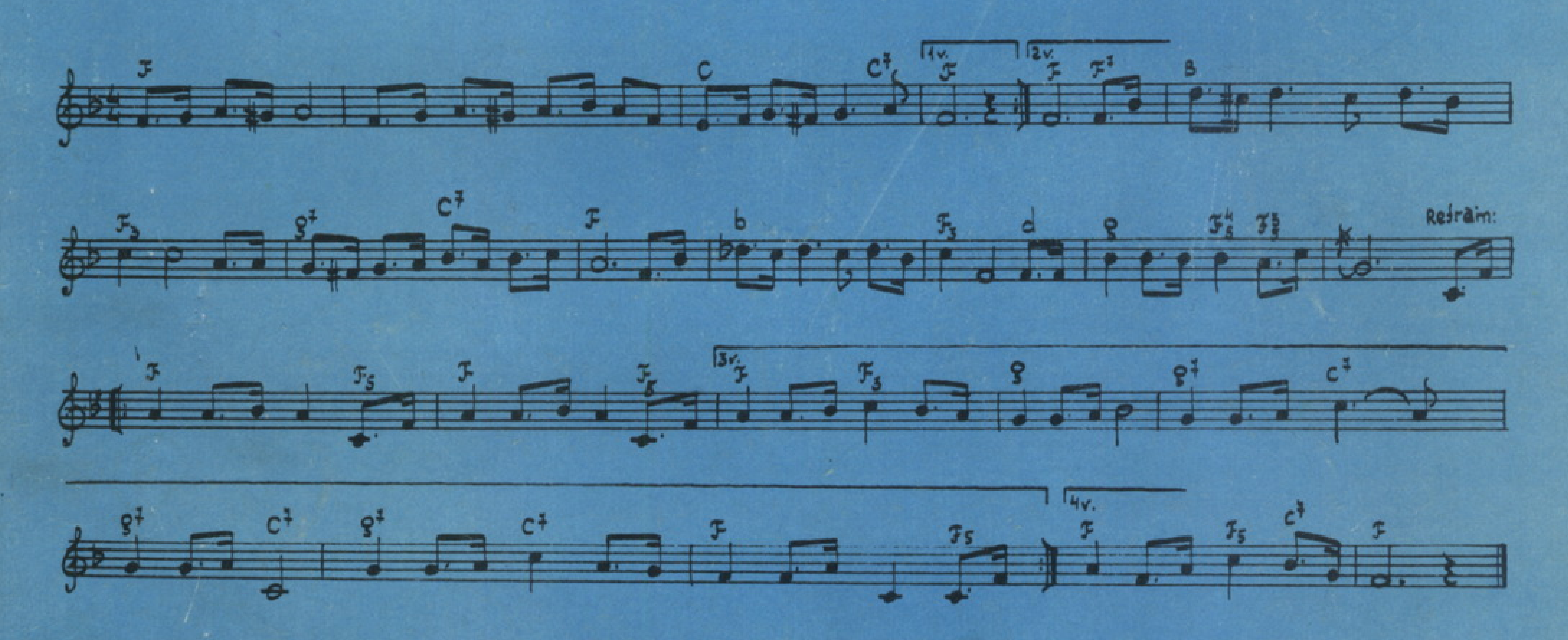
Сдано в набор 08.05.84. Подп. к печ. 15.06.84. А00725. Формат 84×108 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 13,4. Уч.-изд. л. 5,6. Тираж 1 100 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 851. Издательство и типография «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

Песни тех, фестивальных, лет

«Ровесник» продолжает публикацию песен, звучавших на прошлых Всемирных фестивалях молодежи и студентов. В этом номере — песня французских комсомольцев «Красный бант». Автор музыки — популярный в шестидесятые годы певец и композитор Мишель Фугэн, текст Мориса Видалина. Впервые эта песня прозвучала накануне IX фестиваля в Софии, и с тех пор она, верный спутник молодых французов, шагает с ними в колоннах демонстрантов, выступающих в защиту мира, против безработицы.

...Приколи у сердца кусочек красной ткани, цветок того же цвета, что и кровь. Если ты хочешь, чтобы мир изменился, поднимайся: время пришло. Пойдем вперед, к свету, подняв кулак и стиснув зубы... Товарищ по гневу, товарищ по борьбе, ты, которого заставляли молчать, ты, который был никем,— теперь ты несешь красный бант свободы. И мир будет таким, каким ты его сделаешь: полный любви, справедливости и радости — поется в этой песне.

1. Accroche a ton coeur
Un morceau de chiffon rouge
Une.fleure couleur de sang
Si tu veux vraiment
Que ca change et que ca bouge
Lève-toi car il est temps

Allons droit devant
Vers la lumière
En montrant le poing
Et en serrant les dents
Nous reveillerons
La terre entière
Et demains nos matins chanteront

Припев:

Compagnon de colère
Compagnon de combat
Toi que l'on faisait taire
Toi qui ne comptait pas
Tu vas pouvoir enfin le porter
Le chiffon rouge de la libertè
Car le mond sera ce que tu le feras
Plein d'amour, de justice et de joie

2. Accroche à ton coeur
Un morceau de chiffon rouge
Une fleure couleur de sang
Si tu veux vraiment
Que ca change et que ca bouge
Lève-toi car il est temps

Tu crevais de faim
Dans ta misère
Tu vendais tes bras
Pour un morceau de pain
Mais ne crains plus rien
Le jour se lève
Et il fera bon vivre demain

Припев.

Индекс 70781
Цена 35 коп.